ISBN 978-5-4217-0402-7

Курганский
государственный
университет

Библиотечно-издательский
центр
65-48-12

Маслюженко Д.Н., Менщиков В.В., Козельчук Т.В.,
Пузанов В.Д., Тершукова Е.В.

Тимофей Невежин
и русское освоение Юго-Западной Сибири в конце XVII – начале XVIII в.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Курганский государственный университет»

Маслюженко Д.Н., Менщиков В.В.
Козельчук Т.В., Пузанов В.Д., Тершукова Е.В.

ТИМОФЕЙ НЕВЕЖИН И РУССКОЕ ОСВОЕНИЕ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII В.

Научно-популярное издание

Курган 2017

УДК 94(470.58)
ББК 62(2-4Кур)
Н 40

Тимофей Невежин и русское освоение Юго-Западной Сибири в конце XVII – начале XVIII в. : научно-популярное издание / Д. Н. Маслюженко [и др.] ; под ред. Д. Н. Маслюженко. – Курган : Изд-во Курганского гос.ун-та, 2017. – 96 с.

Книга посвящена эпохе освоения и колонизации Юго-Западной Сибири в конце XVII – начала XVIII в. В ней подробно рассматриваются особенности этого процесса и роль в нем основателя слободы Царево Городище Тимофея Невежина. Проанализированы вопросы условий и времени основания слободы, специфики социального и демографического состава населения, а также роли слободы как пограничной крепости Русского государства.

Книга предназначена для историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей Западной Сибири в раннее новое время.

Книга подготовлена при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации по договору № 1062-01.1-42/13-17 от 05.06.2017 в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации В.В. Путина от 22 февраля 2017 г. № 49-рп «О присуждении грантов Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства» Красношеиной О.Ю., скульптору, автору памятника основателю г.Кургана Тимофею Невежину.

ISBN 978-5-4217-0402-7

© Курганский государственный университет, 2017
© Авторы, 2017

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ И ПАМЯТНИКА ТИМОФЕЮ НЕВЕЖИНУ

В городе Кургане открывается еще одна веха истории. Книга выходит в год открытия десятиметрового бронзового и гранитного памятника монумента Тимофею Невежину, основателю города Кургана, по муниципальной программе «Любимый город», что само по себе является уже новым историческим процессом. Но что мы знали об основателе, кроме имени и фамилии? Лишь несколько скудных строк в советской печати.

Только в конце XX – начале XXI века благодаря поискам историков, открытия ими новых фактов в документах, находках в Российском государственном архиве древних актов, Шадринском филиале Государственного архива Курганской области, дает возможность раскрыть историю жизни Тимофея Невежина и основание города с другого ракурса.

Благодаря авторам этой книги, собранным по крупицам сведениям, анализа и изложения, мы можем видеть масштабную картину событий. Это бесценная и уникальная книга, где впервые собраны все сведения об основателе города и том периоде. Наряду с установленным памятником, данная книга является неотъемлемым проводником в прошлое, отвечает на множество вопросов, открывает ретроспективный вид непростого, сурового прошлого и героев той эпохи, о которых необходимо знать. Наши корни – наша сила. Памятник и книга создают новый смысл-образ локального культурного кода города Кургана.

Роль установки памятника русскому герою – Т. Невежину особенно сейчас возрастает в связи с глобализацией мира, угрозой разрушения идентичностей и культур народов других стран. Одним из важнейших приоритетов государственной культурной политики Российской Федерации является укрепление российской идентификации, самосознания, патриотизма, формирование собственных культурных кодов, укрепление локальной идентичности.

На локальном уровне у каждого региона есть свои исторические ключевые идентификаторы, люди-символы. Современные исследовательские методы археологов, историков позволяют открыть этих людей с большими характеристиками, как личностей, так и их подвигов.

Основным первым фундаментальным историческим героем города Кургана является его основатель – Тимофей Невежин. Установленный

памятник на привокзальной площади города Кургана с благоустройством территории станет местом формирования коллективной идентичности, социальной памяти, местом притяжения, социального сближения, общности, формированием новых традиций. Новый образ Т. Невежина станет символом идентичности курганцев, которым можно гордиться. Образ разворачивается во времени и становится актуальным в текущем времени. Основная функция памятника - централизующая, создание культурного идентичного собственного позитивного кода собственной истории.

Памятник как объект культуры имеет мощную невербальную силу, он является носителем новых образов и смыслов. В каком виде изображен человек, позе, одежде играют огромную роль. По этим критериям считывается историзм, степень важности личности, возраст, социальное положение, статус, гражданственность. Чем больше раскрыт и содержателен образ, тем больше информации смогут воспринять и усвоить граждане. Памятник как произведение искусства возвышает образ в самых лучших категориях осмысления.

Раскрытие полной и подробной истории создания города и роли Т. Невежина в книге, создание достойного образа основателя в монументе на одной из центральных площадей города, станет отправной точкой в перевороте сознания людей о геополитической значимости территории города и героя Тимофея Невежина в истории страны, о великих предках этого географического места, а значит и росту любви к городу, Родине, к росту самооценке каждого жителя.

Личность и памятник Т. Невежину достойны вхождения в историю страны на должном уровне. По силе образа и мастерству создания он выстраивается в один ряд после памятников, созданных основателей городов: Москвы, Санкт-Петербурга и другим значимым историческим личностям России.

Памятник, по сути, становится вторым рождением человека. Он вновь обретает материальную форму в скульптуре, теперь он попадает в категорию носителя культурной ментальности в веках. Кроме того, памятник личности становится современником каждого поколения, в этом уникальность феномена памятника. Он наряду с функциями дани памяти увековечиванию, следованию традициям, выполняет в каждом мгновении времени продолжение жизни. Продолжение жизни собственно изображенного человека, так и продолжение жизни истории города, страны через него.

Доступность подхода и осмотра памятника в любую минуту дает памятнику особый статус действительно принадлежности народу, сопричастности жизни с ним. Он становится почетным сверхжителем в настоящей действительности для всех поколений. Таким образом, памятник является совокупностью исторических знаний, сконцентрированным в одном образе, материализованном в форме, свободно доступный каждому человеку. Памятник – память людей в прошлом, настоящем и будущем времени. Каким люди воспримут человека в памятнике, таким его будут помнить, ретранслировать и отождествлять себя с ним всегда.

Конечный материал бронза позволяет памятникам жить веками, они переходят в категорию вечности. Благодаря бронзовым памятникам III, II века до нашей эры, дошедших до нашего времени и других найденных артефактах, больших памятников нашей эры, сохраняется история цивилизации на планете Земля. По памятникам, создающимся в каждую эпоху, судит следующая эпоха. Возможно, в будущем о нашей эпохе будут судить по памятникам, книгам, созданным в наше время. Памятник – это глобальная память человечества.

Красношеина О.Ю., автор и создатель памятника, член Московского Союза Художников

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РУССКОГО ОСВОЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ[1]

XVII век является одним из определяющих в истории развитии России, своеобразным ключевым рубежом в историческом развитии российского общества. Выдающийся русский ученый В.О. Ключевский считал этот век «новым периодом» в русской истории. Чуть позже В.И. Ленин повторил эту характеристику, но имея в виду раннее развитие капитализма в России, а не предверие модернизации петровского времени. Однако в понятие «нового периода» русской истории можно включить и иное понимание, например, то, что в XVII веке Россия переживала беспрецедентный рост своей территории: ни раньше, ни позже ничего подобного не было. Прирост происходил преимущественно за счет восточных территорий. В начале 1580-х гг. Ермак начал свое продвижение в Сибирь, а уже в 1639 г. отряды И. Москвина достигли побережья Охотского моря, а в 1648 г. С. Дежнев обогнул Чукотский полуостров. Примерно за полстолетия русские «прошли» всю Сибирь вплоть до Тихого океана. В десятки раз территория оседлого государства увеличила свою территорию за столь короткий период!

Русская колонизация северо-восточной части Евразии синхронизировалась с процессами европейской колонизации Нового Света. Расширение России в эпоху становления империи привело к созданию одного из самых больших государств в истории человечества и самой большой по территориальному распространению этнической популяции – русские расселились на площади от Балтийского моря до Тихого океана. Это наложило существенный отпечаток на особенности российского исторического процесса. Территориальная экспансия и миграции являлись неотъемлемой частью российской истории на протяжении столетий. Исследователи фиксируют, что «в массовом сознании крестьянства XVIII-XIX вв. обнаруживается *миграционная парадигма,*

[1] *Поскольку авторы стремились сделать свою книгу более популярной, то было принято решение пожертвовать традиционными для научной работы многочисленными ссылками. Только при крайней необходимости в цитатах поставлены ссылки на архивные и некоторые другие источники. Внимательному читателю, желающему более глубоко погрузиться в представленную тему, мы рекомендуем не только наши отдельные статьи, указанные в списке литературы, но и нашу совместную монографию: Слобода Царево Городище на Тоболе (1679-1782 гг.) : монография / под ред. Д. Н. Маслюженко, В. В. Менщикова. Курган : Изд-во Курганского гос.ун-та, 2015. 254 с. При этом осознавая, что мы «лишь карлики, стоящие на плечах гигантов», и стремясь не забыть всех наших предшественников и соратников по историческому цеху, мы разместили в конце этого издания небольшой список дополнительной литературы, на которую не были проставлены ссылки в самом тексте.*

которая делала крестьянина психологически подготовленным для переселения… Крестьяне идеализировали акт миграции, рассматривая его как уход от неправедной «новизны» и перенесение на новое место справедливой «старины», как поиск рая на земле на далеких землях». Полагаем, что подобная парадигма была характерна и для более ранних периодов отечественной истории.

В этом контексте важно выяснить, когда территория Притоболья становится неотъемлемой частью Русского государства. Самым сложным в этом случае является вопрос о том, могла ли русская слобода Царево Городище быть основана на Арбинском Яру до 1679 г. Можно ли найти подтверждение этому? Представляется, что это весьма сомнительно с исторической точки зрения. Длительный процесс присоединения юга Западной Сибири к Русскому государству, начатый после похода Ермака 1582-1584 гг., очень поздно подошел к границам Среднего Притоболья, то есть к современной Курганской области. После первых поражений и отступления с северных территорий Сибирского ханства Кучум и его сыновья уверенно удерживали за собой все земли на юге Западной Сибири, заставляя русских ограничиваться передвижением лишь в таежной зоне, концентрируясь вокруг построенных городских центров Тобольска, Тюмени и несколько позднее Тары. Вплоть до своей смерти около 1600 года хан Кучум и его союзники в лице ногайских мурз контролировали всю территорию лесостепи между Уралом и Иртышом. Только после смерти Кучума тюркские племена Приисетья в 1600-1603 гг. начали подписывать с русскими шертные грамоты, постепенно признавая власть Москвы. Однако и после этого сыновья Кучума хан Али и хан Ишим опирались на силы не только калмыков и отчасти ногаев, которые подкочевывали к Исети вплоть до конца 1600-х гг., но и на южнозауральские племена аялынцев, табынцев, сынрянцев. При этом последние группы обитали именно по разным сторонам Тобола, по берегам которого в местных борах были богатые пушные угодья. Они не использовались как места постоянного проживания, что позволяло сохранять поголовье пушного зверя. Кроме того, земли по Ую и Убагану, а иногда и иным притокам Тобола были территорией традиционных кочевий, а позднее и зимовий потомков хана Кучума.

В результате постепенного ухода калмыков (ойратов) в 1650-е гг. на Волгу их количество на юге Западной Сибири значительно уменьшается. Однако Кучумовичи, долгое время опиравшиеся именно на калмыцких тайш, не утратили свои владения. На территории по Тоболу и его

притокам Юргамышу и Черной еще в 1660-х гг. кочевал правнук Кучума Кучук, который не только участвовал в башкирских восстаниях этого времени, но и был одним из признанных лидеров сопротивления русским. Еще в 1667-1669 гг., по данным, собранным В.В. Трепавловым, в окружении этого царевича могло быть от 400 до 1000 воинов, что было достаточно большим отрядом. По всей видимости, он был последним из потомков Кучума, кто мог быть также провозглашен ханом. Впрочем, к 1675 году его упоминания исчезают из документов, снижается активность и других Кучумовичей, последний пик деятельность которых приходится на самое начало 1680-х гг.

В этих условиях русские отряды на Тоболе в период между 1600-1670-ми гг. могли появляться либо лишь в виде небольших мобильных разъезжих застав, либо больших военных отрядов, которые отправляли вслед Кучумовым царевичам, калмыкам и ногаям. По сути, среднее течение Тобола для русской власти стало не только пределом распространения, но и своеобразной разделительной полосой от степняков. Кроме того, здесь периодически появлялись служилые тюменские татары, которые в силу сложившихся традиций предшествующего времени использовали местные пушные зверовья. Тобольский воевода П. Годунов признавал отсутствие русских слобод по Тоболу в середине 1660-х гг.

Только в конце 1670-х гг. после прекращения восстаний местных тюрко-татарских групп, пленения или перехода к русским отдельных Кучумовичей, а также отступления оставшихся потомков Кучума в Центральную Азию русские начинают осваивать Среднее Притоболья. С этой целью в 1677-78 гг. земли по Тоболу от впадения речки Ичкин до Юргамыша передаются под управление татарским мурзам Кульмаметевым / Сейдяшевым. Представители этого клана принимали активное участие в налаживании русской торговли с Бухарой, Китаем и калмыками, а также занимали видное мест в иерархии тобольских служилых татар, то есть имели большие заслуги перед русской властью. Скорее всего, основателем этой семьи был последний сейид хана Кучума Тул-Мамет, взятый в плен тарским воеводой А. Воейковым в августе 1598 г. и сразу после этого приведенный к шерти-присяге. По всей видимости, клан пользовался авторитетом как среди русских администраторов, так и у тюрко-татарских групп населения. Именно по этой причине им было поручено начать присоединение Среднего Притоболья к Русскому государству. По сути, в 1679 г. Тимофей Невежин получил задание строить первую русскую слободу на Среднем Тоболе именно

посреди земель этих татарских мурз, разделив их владения на две части. Связано это были и с требованиями правительства к тобольской администрации в 1676 и 1679 гг. строить на южных границах Западной Сибири укрепления для их защиты.

С точки зрения пространственного распространения миграционного потока русских восточная ориентация рек и то, что их истоки находились на восточных склонах Урала, обусловили первоначальное продвижение русских по течению этих рек по направлению к р. Тобол. Продвижение же вверх по р. Тобол затруднялось сложной военно-политической ситуацией. С точки зрения колонизации Сибири как макроисторического процесса южная часть Зауралья находилась как бы на периферии основного колонизационного потока. Это подтверждает вывод В.В. Покшишевского о характере колонизационных процессов как во всей России, так и в Сибири: «Русское движение как бы скользило по касательной «вдоль» лесостепи и степи, и незначительное проникновение на юг являлось пока лишь слабым, вторичным отражением движения на восток». Однако, с точки зрения регионального масштаба рассмотрения колонизационного процесса в рамках Зауралья, в сравнении с прилегающей территорией Предуралья картина оказывается несколько иной: перед нами предстает другой образ исторической действительности, более точно описанный В.А. Обориным, о преобладании меридиональных миграций по обе стороны Урала. В Зауралье преобладающим направлением миграционных движений русского населения было с севера на юг. Поэтому для данного региона именно южное направление было первичным, а движение на восток, выражаясь словами В.В. Покшишевского, «вторичным отражением» первого.

Значительная часть наиболее крупных и важных населенных пунктов Зауралья была основана уже в XVII в. Это дает нам возможность уточнить утверждение Я.Е. Водарского о значительном росте сибирского населения на рубеже XVII-XVIII веков: «Большое увеличение численности населения (Сибири – В.М.) с последней четверти XVII века по 1710 год должно быть поставлено в связь со значительной убылью населения за этот же период в Европейской России. Бежали, главным образом, в первое десятилетие XVIII века, то есть после начала войны и вызванных ею тягот». Не отрицая общую правоту данного утверждения, заметим, что этот тезис отражает макроисторический аспект демографических процессов в России и в Сибири. В связи с этим уместно вспомнить тезис Б.Н. Миронова о существовании в массовом крестьян-

ском сознании так называемой миграционной парадигмы. Стремление уйти от неправедной «новизны» как важная составляющая этой парадигмы, вполне вписывается в ситуацию начала активной модернизации, начавшейся с XVIII в. В результате – массовый уход населения из Европейской России. Но высокий уровень подвижности русского населения был характерен и для более раннего периода. Нечто подобное этой парадигме наблюдалось и в культуре западноевропейского средневековья. «Нас озадачивает, – пишет Ж. Ле Гофф, – чрезвычайная мобильность средневековых людей». И далее: «Индивидуальная или коллективная крестьянская эмиграция была одним из крупных феноменов средневековой демографии и общества». Французский историк видит объяснение этому в том, что «не только никакой материальный интерес не удерживает большинство из них дома, но самый дух христианской религии выталкивает на дороги. Человек лишь вечный странник на сей земле изгнания – таково учение церкви, которая вряд ли нуждалась в том, чтобы повторять слова Христа: "Оставьте все и следуйте за мной"». Вполне вероятно, что миграционная парадигма была характерна для всей христианской и традиционной культуры в целом, однако приобретая специфическое наполнение в рамках отдельных этнических общностей.

Возвращаясь к тезису Я.Е. Водарского о значительном росте населения в Сибири на рубеже XVII-XVIII вв., отметим, что если мы обратимся к региональному масштабу исторического видения, то перед нами может возникнуть иной образ исторической действительности. Не менее значимыми, чем начало XVIII в., для Зауралья в процессе механического прироста населения стали 1680-е гг. Одной из причин этого было состояние межэтнических взаимоотношений в этот период в Зауралье. Как отмечает В.Д. Пузанов, «доминирующая тенденция русско-калмыцкого сближения (особенно с 50-60-х гг. XVII в.) стала своеобразным внешним прикрытием русской колонизации Зауралья, что и обусловило возможность ее очень быстрых темпов в 50-80-х гг. XVII в.».

Можно сконструировать следующую модель формирования слободских территориальных структур Зауралья. Первоначально основывалось укрепленное поселение (острог, слобода, монастырь), а затем, как правило, вокруг по концентрической траектории или по направлению к югу возникали новые поселения (села и деревни), основателями которых были выходцы из этой слободы, острога или монастыря,

причем обязательно формально связанные с ними, откуда были отпущены с разрешения местной администрации. Центры слобод становились своеобразными перевалочными пунктами в процессе внутренней и внешней колонизации. В результате складывалась определенная микротерриториальная целостность, имевшая административно-территориальный характер. Данная территориальная единица в итоге может быть нами охарактеризована как структурная, иерархичная, целостная и относительно автономная, что придает ей определенный системный характер.

В 1660-х и даже в начале 1670-х гг., когда река Исеть и пограничные укрепления по ней (Исетская пограничная линия П.И. Годунова) являлись передовой линией продвижения русских на юге Зауралья, появление более или менее крупных населенных пунктов южнее было практически невозможно. Об этом довольно красноречиво свидетельствует неудачная попытка основания в 1672 г. Утятской слободы (сделать это удалось только в 1680 г.). Лишь в 1678-1680 гг. с почти одновременным основанием в Среднем Притоболье четырех слобод – Белозерской, Иковской, Царева Городища и Утятской – данная территория становится неотъемлемой частью русской зауральской поселенческой системы.

Таким образом, в целом для заселения Сибири справедлив вывод о том, что главное направление русского колонизационного потока шло в широтном направлении с запада на восток, движение же по линии север – юг длительное время было второстепенным, проникновение русских в лесостепную зону шло как бы по касательной к линии основного переселенческого потока. Для Зауралья более характерным было как раз меридиональное направление миграций с севера на юг. Это оказывается характерным и для дорусского периода и свидетельствует о существовании трансвременных закономерностей миграций, определяемых пространственно-географическими условиями того или иного региона. В случае с Зауральем определяющими факторами основных направлений миграционных движений стали меридиональная направленность речной системы Тобола, а также тормозящий эффект встречных колонизационных потоков башкир и казахов. На микротерриториальном уровне выявляются и иные направления. Так, первоначально продвижение русских идет в широтном направлении вдоль долин рек Исети, Пышмы, Нейвы, Ницы с запада на восток. Затем усиливается южное направление вверх по течению Тобола. И лишь в XVIII в. начинается активное заселение долины Миасса и Миасско-Уйского междуречья, с преобладающим направлением на юго-запад.

Наиболее активно территория Зауралья заселялась в период с 1680-х по 1710-е гг. Среднегодовой показатель прироста населения составлял около 15%. Примерно со второй четверти XVIII в. преобладающим становится естественный прирост населения. С этого времени в процессах движения населения усиливается роль внутрирегиональных миграций, что косвенным образом свидетельствует о внутренней региональной стабилизации.

Однако центральным, интегрирующим процессом в ходе колонизации определенной территории является хозяйственное освоение, так как в ходе его происходит создание устойчивых жизнеобеспечивающих хозяйственных структур на колонизируемых территориях. Иначе говоря, именно в результате процесса хозяйственного освоения пришлое население становится оседлым («местным»).

Как отмечает О.Н. Вилков, «несомненно, что одним из главных факторов, вызвавших в XVI-XVII веках присоединение сибирской территории, были торговые и промышленные интересы, толкавшие северорусских поморов «за Камень» в поисках пушнины, на которую властно предъявляли свои требования рынки Западной Европы, Персии и позднее – Китая». Наличие пушных запасов, прежде всего, в таежной зоне, характер пушного промысла (постоянное перемещение промысловиков) не давали возможности создания прочной материальной, хозяйственной базы для районов постоянного оседлого проживания русского населения. Это требовало поставок большого количества хлеба из Европейской России, что было весьма неэффективно ввиду неразвитости путей массовой коммуникации и больших расстояний. Окончательное присоединение Сибири к России, ее интеграция в состав российского общества могли произойти только при достаточной собственной земледельческой базе, то есть земледелие являлось необходимым условием освоения всей Сибири в целом и включения ее в состав России.

Хотя пушнина и влекла русских переселенцев в Сибирь, но для Зауралья это не было определяющим мотивом. Лишь однажды в Указе царя Федора Ивановича 1586 г. говорилось о сборе ясака с упоминанием «илецких» белок. В Среднем Притоболье до сих пор существует большой лесной массив, называемый «Илецким», или «Илецко-Иковским» бором. Возможно, именно о белках этой территории говорилось в царском Указе. Тем не менее, это не является неоспоримым фактом, так как топоним «илецкий» не является уникальным. Имеется несколько

подобных топонимов (прежде всего, гидронимов) на Южном Урале и Предуралье – Илек, Ик и т.п. Поэтому невозможно категорично заявлять о важном промысловом значении упомянутой территории Зауралья, хотя несомненно то, что на протяжении всего XVII века эти леса использовались в качестве пушных угодий, в том числе и ясачными татарами. Например, В 1620 г. тобольский воевода М.М. Годунов отписывал, что по всему Тоболу «ездят на зверовья ясачные люди»[2]. В данном случае конфликты Кучумовичей и калмыков с русской власть не мешали самому пушному промыслу. К том уже потомки Кучума, как и все номады, не находились в этих местах постоянно.

Пушной промысел, конечно, имел место, но он не сыграл определяющей роли в создании жизнеобеспечивающих систем как базы для значительного притока русского населения. Значение пушного и зверового промысла заключалось в самом факте проникновения русских первопроходцев в зауральские земли. Промысловики являлись пионерами колонизационного процесса, постоянно отодвигая «фронтир» все дальше и дальше. Но территория Зауралья не могла стать постоянным источником товарной пушнины, природно-географическая среда создавала благоприятные условия для развития здесь земледельческого и животноводческого хозяйства.

До прихода русских местное население развивало здесь кочевое и полукочевое скотоводство. Но объективные условия природно-географической среды и их восприятие новоприходцами неизбежно привело к созданию в Зауралье крупного хлебопроизводящего района Сибири.

При высоких темпах продвижения русских переселенцев вглубь Сибири хозяйственное освоение новых территорий, безусловно, не успевало за стремительно продвигающимся «фронтиром» (границей). Тем не менее, земля вокруг первых русских поселений сразу же стала вводиться в хозяйственный оборот. Не только переселявшиеся крестьяне, но и служилые люди в Сибири активно занимались хлебопашеством. Это было жизненно необходимо ввиду крайней сложности в обеспечении продовольствием растущего населения Сибири.

Государство организовало обязательные поставки хлеба из европейской России уже с конца XVI в. В грамоте царя Федора Ивановича воеводе В.П. Головину о сборе с поморских городов хлебных запасов для отправки в Сибирь, о посылке туда «посошных людей» для постройки амбаров, житниц и судов от 15 декабря 1597 г. говорилось: «И

[2] *Русско-монгольские отношения. 1607-1636. Сборник документов. Москва, 1959. С.101.*

всего велено отвести з городов с Перми, и с Вятки, с Выми, с Солей Вычеготских, с Устюга Великово в новый город на Верхотурье четыре тысячи восемь сот десять четей муки ржаной, 746 четей толокна и 746 четей круп. А под хлебные запасы 2099 подвод с "посошными людьми"»[3]. Распределение данной повинности по различным поморским центрам было следующим. Пермская земля – 2055 четей муки и различных круп, 685 подвод; Вятская земля – 1951 четей муки и круп, 650 подвод; Вымь – 339 четей муки и круп, 113 подвод; Соль Вычегодская – 680 четей муки и круп, 226 подвод; Устюг Великий – 1277 четей муки и круп, 425 подвод. На первом месте по объемам поставки продовольствия стоит Пермская земля, что вполне объяснимо, так как она была расположена максимально близко к Сибири, затем шла Вятская земля, как раз следующая по близости к Зауралью. Распределение поставок продовольствия оказывалось подобным распределению мест выхода переселенцев в Зауралье.

Но указанные мероприятия оказывались в высшей степени не эффективными, в частности по причине значительной растянутости коммуникаций. Поэтому развитие собственного сибирского земледелия, создание внутрисибирской продовольственной базы являлось поистине государственной задачей. Это и обусловило темпы хозяйственного освоения восточных территорий.

Как отмечает Я.Е. Водарский, «темп земледельческого освоения Урала был весьма высоким: в XVII в. – 2,5 млн. десятин, в XVIII в. – почти 4... Всего за два столетия было освоено 7,5 млн десятин. Лес, покрывавший в XVII в. больше половины территории, был вырублен на пространстве около 12 млн десятин». Справедливости ради отметим, что указанные темпы уничтожения лесов на Урале были обусловлены не только, а скорее не столько земледельческим освоением, а потребностями горнозаводской промышленности этого региона. Но темпы освоения действительно были достаточно высокими, особенно это проявлялось на начальном этапе. Так, данные 1625 г. по ближним вотчинам Тобольского архиерейского дома показывают двойное увеличение за год крестьянской запашки – с 13,75 до 25,75 четей (четь – ½ десятины)[4]. В любом случае, XVII-XVIII вв. стали определяющим временем в сельскохозяйственном освоении Урала и Сибири. Уже в 1685 г. было при-

[3] *Верхотурские грамоты конца XVI-начала XVII в. Москва, 1982. С. 13.*

[4] *Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Серия: История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1994. Вып. IV. С. 29.*

нято решение о прекращении обязательных поставок продовольствия в Сибирь.

Главным элементом формирующейся хлебопроизводящей системы было, конечно же, крестьянское хозяйство. Именно крестьяне-переселенцы стали центральным звеном в хозяйственном освоении Сибири. Хотя первоначально далеко не последняя роль в этом процессе принадлежала другим категориям населения – казакам, стрельцам, посадским и др. Но по мере русского освоения сибирского субконтинента роль крестьянства постоянно возрастала. Это убедительно доказывают данные, приводимые О.Н. Вилковым. По его подсчетам, в 1624 г. среди тобольских посадских людей пашню имели 31 человек (44,4%), а в 1698 г. таковых оказалось 68 человек, но они составляли всего 22%. Та же самая тенденция касалась и служилых людей, причем в большем масштабе. Если в 1624 г. пашню имели 26% тобольских служилых людей, то в 1700 г. всего 5%.

К концу XVII в. на территории Зауралья (Верхотурско-Тобольский земледельческий район по классификации В.И. Шункова) было сосредоточено 75% всех крестьян-дворохозяев Сибири (8280). В это же время с 77291 десятины собиралось здесь примерно 315764 8-пудных четвертей хлеба в год. Таким образом, именно Зауралье стало основной хлебопроизводящей базой Урало-Сибирского региона уже в XVII в. Это определялось и высоким уровнем товарности земледелия в Верхотурско-Тобольском земледельческом районе. На Тобольский рынок приходило 14,3% всего хлеба, производимого в Тобольском уезде. Причем, как отмечает О.Н. Вилков, реальный уровень товарности был еще выше, так как в приведенном показателе не учтены закупки хлеба, непосредственно производимые в слободах.

Регулирующая функция государства в хозяйственном освоении сибирских территорий проявлялась, в частности, в организации так называемой «десятинной пашни» – своеобразной формы отработочной ренты (барщины) в пользу государства, весь урожай с которой направлялся на обеспечение, прежде всего, служилого населения сибирских острогов неземледельческой зоны освоения. Проблема продовольственной обеспеченности гарнизонов острогов постоянно находилась в центре внимания приказной и воеводской администрации. В деловой переписке часто обращалось внимание на возможность заведения пашни вокруг новых острогов и других русских поселений. Так, например, в грамоте тобольским воеводам князю Ю.Я. Сулешову и Ф.К. Плещееву от

19 января 1625 г. говорилось: «А про пашню в Кузнецком остроге, можно ли пашня завесть, учинил бы ты, боярин наш князь Юрий Яншеевич, по своему высмотру, как достоит, мочно ли в Кузнецком остроге пашня завесть, и прочно ли будет»[5]. Не всегда ответ на подобные вопросы был утвердительным. Многочисленные попытки завести пашню возле Пелыма закончились безрезультатно – вечная мерзлота, скудость почв, слишком короткий вегетативный период стали непреодолимым препятствием на пути земледельческого освоения значительной части таежной Сибири. Даже в конце XIX в. территории, расположенные севернее Тобольска, не играли важной роли в продовольственном обеспечении Сибири. С.К. Патканов так писал о крестьянских поселениях по р. Демьянке: «Хотя пашни здешних крестьян и невелики.., этого количества вполне достаточно, чтобы прокормить в продолжение года небольшую семью». Имевшееся аграрное производство в этих условиях играло исключительно местное значение. Поэтому усилия по развитию аграрного производства переселенцев и администрации были успешны лишь там, где имелись благоприятные природно-климатические условия.

В отписке кетского воеводы, стряпчего Д.И. Хрущова от 25 ноября 1664 г. писалось: «... ис твоих, великого государя, русских городов с Устюга Великого, от Соли Вычегоцкой, с Ваги, и с Еринскогогоротка, и с Вятки, и с Пустозерского острогу крестьяне з женами и з детми идут многие в сибирские городы». И дальше воевода предлагает: «... теми людмимошно пахотных завесть... и твой, великого государя, острог лзя прокормить и бес тоболской присылки, и пашни твои, великого государя, мошнозавесть многие»[6]. Воеводская администрация пыталась перенимать опыт заведения государевой пашни в Тобольском уезде. Тем не менее, Тобольский уезд и Зауралье, в частности, оставались на протяжении всего XVII в. главным центром сибирского земледелия.

В.И. Шунков отмечал, что «пашенные крестьяне (т.е. работавшие на десятинной пашне в XVII в. – В.М.) жили в 22 слободах Тобльского уезда в количестве 4390 дворов, равняясь по величине половине всех государственных крестьян, в 3 раза превышая численность хлебооброчных и на одну треть денежнооброчных». Обратим внимание на то, что среди оброчных крестьян явно преобладали те, кто выплачивал денежный оброк, что убедительно доказывает активное развитие товарно-денежных

[5] *Первое столетие сибирских городов. XVII век. Серия: История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1996. Вып. VII. С. 139.*

[6] *Там же. С. 113.*

отношений на вновь осваиваемых территориях. Видимо, сложности жизни (растянутость коммуникаций, нехватка рабочей силы, этнополитическая нестабильность и т.п.) делали в конечном итоге более эффективной денежную форму ренты, нежели натуральную.

Однако сами крестьяне тяготились обработкой десятинной пашни, стремясь перейти на разные формы оброка. Это видно из анализа крестьянских челобитных, проведенного А.А. Преображенским: «В 1690 году шадринский приказчик получил из Тобольска грамоту, в которой содержалось решение по челобитью 18 крестьян Шадринской слободы. Крестьяне просили "десятинную пашню свои жеребьи пахать на своих собинных пашнях для их скудности и дальнего расстояния, а семена б им имать из государевых житниц"». Подобные челобитные были и от других шадринских крестьян: Лазарь Коростин и его товарищи писали, что живут от Шадринской слободы далеко (25 верст). Поэтому во время работ на десятинной пашне «во все годы они находили и севами своими опаздывают, и от того они разорились до конца». В результате эти крестьяне были переведены на оброк. Затем еще 26 крестьян в том же 1690 г. добились перевода на хлебный оброк. Таким же образом действовали крестьяне Маслянской и других зауральских слобод.

В конце XVII в. местная воеводская администрация все чаще начинает сразу предусматривать хлебный или денежный оброк в наказных грамотах на основание новых слобод. В подобной грамоте на основание Крутихинской слободы в 1684 г. сразу оговаривался денежный оброк. То же самое содержалось и в грамоте на основание Солтосарайской слободы в 1693 г.: «И Великие Государи пожаловали бы их велели б на том месте порожжем вновь построить слободу из денежного оброку»[7]. Но администрация не могла сразу отказаться от десятинной пашни. В указанных выше документах нередко наряду с денежным оброком упоминалась и десятинная пашня. А.А. Преображенский отмечал, что «на юге Тобольского уезда и во второй половине XVII в. администрацией усиленно внедрялась в новых пунктах десятинная пашня», что объяснялось, видимо, обилием довольно плодородной земли. Здесь мы сталкиваемся с аналогом тенденции, проявлявшейся в Европейской России – дифференциацией форм феодальной ренты в зависимости от качества и плодородия земли (преобладание форм отработочной ренты в Черноземье).

Однако, если рассматривать данное явление в динамике, то к ру-

[7] *РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 199. Д. 481. Т.2. Л.509 об.*

бежу XVII-XVIII вв. явно намечается тенденция к увеличению числа хлебо- и денежнооброчных крестьян. В 1667 г. в Тобольском уезде насчитывалось 76 оброчных дворов, а на десятинной пашне – 890 дворов (соответственно, 8,2% и 91,8%). Через 14 лет, в 1681 г., 501 двор (23,8%) был хлебооброчным, на десятинной пашне – 1591 двор (76,2%). Доля оброчных дворов возросла почти в три раза. В это время полностью хлебооброчными были, например, следующие зауральские слободы: Белозерская, Белоярская, Суерская, Царево Городище, Утятская. Росло число и денежнооброчных слобод, к началу XVIII в. таковых уже насчитывалось 40%. По данным «Ведомости сибирских городов» 1701 г., вТобольском уезде в 22 слободах было 3526 крестьян, работавших на десятинной пашне, оброчных же насчитывалось 323 человека, но в 43 слободах. По ряду городов это соотношение было следующим: Тюмень – пашенных крестьян было 370 человек, оброчных – 347; по Верхотурью пашенных – 1151, оброчных – 295; в Туринске насчитывалось 553 пашенных крестьянина, оброчных – всего 58 человек.[8] Разброс в показателях довольно велик.

Регулирующая функция государства проявлялась также в предоставлении крестьянам-переселенцам различных льгот, что также способствовало убыстрению темпов хозяйственного освоения Зауралья. «Первоначально поселенцу, который должен был, помимо заведения своего личного хозяйства, отбывать государственные повинности в виде государственной десятинной пашни и государевых изделий, предоставлялись земли, временная льгота, подмога и ссуда», – отмечал В.И. Шунков.

Данные о льготах мы можем, прежде всего, найти в наказных грамотах. В такой грамоте на основание Солтосарайской слободы говорилось: «А которые крестьяне договорятся вытные пашни пахать и больши или меньше и тем крестьянам денежного оброку в казну платить и собинные на себя пашни пахать по расчету и льготы им давать по Указу на год и на два».

Наказные грамоты на основание слобод (Крутихинской, Иковской и др.) примечательны тем, что в них имелась дифференциация льгот в зависимости от того, на какой размер оброка, денежного или хлебного, согласится крестьянин: «... уговорится чтобы, хтоучнет платить в казну Великих Государей денежного сбору полтора рубли, и тем

[8] *Первое столетие сибирских городов. XVII век. Серия : История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1996. Вып. VII. С. 139.*

льготы давать на год, а хтоучнет платить по двадцати по пяти алтын, и тому льготы давать на полгода, а хтоучнет платить по двадцати и меньше, и тому давать потому ж, по расчету». Льготы предоставлялись также и индивидуально, конкретному крестьянину, который желал завести собственное хозяйство. Примером этому могут служить вкладные записи Далматовского монастыря. Вот выдержка из одной из них: «Се аз Антон Еремеев, урождением Важенин... порядился... жить... у них старцев на их вотчинской земле с женою и детьми своими вечно безвыезду, а дали они старцы – игумен Исаак с братиею, на два года льготы...».

Наиболее часто повторяющиеся временные промежутки льгот – от полугода до двух лет. Но были и больше – четыре года для первых поселенцев Шадринской слободы. Таким образом, администрация давала переселенцам возможность обзавестись хозяйством, встать на ноги, сделать определенный задел на будущее, а уже более или менее обжившиеся крестьяне вполне могли справляться с налоговым бременем. Однако система льгот имела и другие последствия. Многие крестьяне, прожив льготный период на одном месте, уходили на новые, еще не обжитые земли. А на уже созданное хозяйство приходили представители следующей волны переселенцев. Это и порождало процесс так называемой «ползучей» колонизации, постепенного и поступательного освоения вновь присоединяемых территорий.

Как справедливо отмечает Л.В. Милов, «русский крестьянин, как и все земледельцы средних широт, ориентировался исключительно на тот довольно большой и сложный комплекс традиций земледелия, завещанный ему предшествующими поколениями», поэтому, переселяясь на новые территории, русское крестьянство неизбежно переносило с собой и свои традиции земледелия. Как утверждает тот же Л.В. Милов, «русское крестьянство... на каждом этапе развития общества получало в области земледелия уровень урожайности основных земледельческих культур, явно не соизмеримый с громадной массой вложенного труда», исходя из этого положения, исследователь делает вывод, что указанное обстоятельство делало крестьянина «еще более приверженным традиции и обычаю в области агрикультуры, заставляло его в стремлении к росту прибавочного продукта идти преимущественно лишь по пути постоянного расширения производственных площадей». Начавшееся с XVII в. освоение огромных сибирских территорий существенно укрепило традицию экстенсивного развития рус-

ского земледелия. Эта традиция получила развитие в Сибири в целом и Зауралье в форме так называемого «захватного» землепользования.

В документах XVII в. мы постоянно встречаем формулу: «... в одном поле, а в дву потому ж», что наталкивает на мысль о полном господстве трехпольного севооборота в Сибири уже в это время. Для подобного утверждения имеются логические основания. В отечественной исторической литературе достаточно давно существует мнение о том, что трехпольный севооборот окончательно утвердился в европейской России в XV-XVII вв. Поэтому привнесение его в Сибирь вместе с переселенцами из Поморья выглядит вполне очевидным. Однако конкретно-исторический и историографический анализ корректирует наши представления о судьбах классического трехполья в Зауралье.

Известная исследовательница поморских и сибирских традиций земледелия И.В. Власова отмечала, что северорусские крестьяне знали трехпольный севооборот, но механический перенос его в Сибирь был невозможен из-за особых природно-климатических условий новой территории. «Развитие земледелия пошло по линии сочетания нескольких систем: трехполья и исторически более раннего перелога. Известная традиционная форма учета земельных угодий в официальных документах, принятая и сибирской администрацией, – «в поле, а в дву потому ж» – не означала господства трехполья, точно так же, как широкое распространение перелога не свидетельствовало о его господстве».

По утверждению Л.В. Милова, «традиционализм в области земледельческой культуры сочетался с необыкновенным умением русского крестьянина приспособиться к тем или иным местным условиям и даже превратить недостатки всвоего рода достоинства». Как раз в Сибири в целом и в Зауралье в частности эти умения крестьян-переселенцев и проявились. Как отмечает И.В. Власова, «... Западную Сибирь по распространению систем земледелия можно разделить на две зоны: северную таежную и южную степную и лесостепную. В первой в условиях малоземелья развивалось трехполье, во второй при многоземелье – залежное хозяйство в сочетании с паровыми севооборотами».

В период хозяйственного освоения и заселения любой территории социальная структура формирующегося общества всегда отличается большой подвижностью и маргинальным (пограничным) характером. В основе этой структуры лежит специфика экономического и политического развития региона. Определяющее же значение в этом имела социальная структура населения в масштабах всего общества. Как от-

мечает Б.Н. Миронов, «если применить критерии западноевропейского сословия к социальным группам России XVI-первой половины XVII в., то окажется, что в России в это время еще не существовало сословий». С принятием Соборного Уложения 1649 г. и уже более определенно с петровских преобразований начинается процесс четкого сословного структурирования российского общества. Поэтому в изучаемый период сословная система лишь возникала, на колонизируемых территориях социальная неопределенность была еще выше, чем на других территориях.

Уже упоминавшаяся нами военно-политическая ситуация в Зауралье требовала от властей создания в регионе достаточно крупных воинских формирований, что в первоначальный период освоения сделать было довольно сложно. Поэтому администрация в решении этой проблемы пошла традиционным путем – формируя в пограничье особые категории населения, одновременно участвовавшие в хозяйственном освоении края и в его обороне. Как нельзя кстати для этой двойственной функции подходило казачество. В Зауралье сформировалась особая категория этого сословия – беломестное казачество.

С политической точки зрения это время формирования так называемой абсолютной монархии. Смута начала XVII в. определила сложный период выхода страны из тяжелого экономического положения. Если первый царь из династии Романовых ощущал себя избранным монархом и все время сверял свои политические решения с мнением сословий на ежегодных сословных собраниях – Земских Соборах, то следующий Романов – Алексей Михайлович воспринимал себя как «не по человеческому хотению, а по Божьему соизволению Царь есмь». Это создавало условия для формирования так называемой абсолютной монархии. По меткому определению В.О. Ключевского, Алексей Михайлович «уморил Земские Соборы».

Отметим еще одно любопытное наблюдение. Население Северное Руси и Сибири всегда было лояльным по отношению к Московскому правительству, начиная со Смуты и кончая городскими восстаниями середины XVII в. Вот в этом социально-политическом контексте и происходило русское освоение всей Сибири и в частности ее юго-западной части.

Таким образом, XVII век явился решающим рубежом в процессе присоединения огромных сибирских территорий к России. Уже к середине столетия русские достигли самых восточных рубежей Сибири.

Однако далеко не везде этот процесс шел такими темпами и бесконфликтно. Юго-Западная Сибирь относилась к числу территорий, где продвижение русских встречало серьезное сопротивление местных народов. Поэтому, если в 1650-60-х гг. Россия начинала осваивать Дальний Восток, то в Притоболье и Приисетье русские первопроходцы только начинают свое проникновение, действительное освоение Среднего Притоболья начинается только в конце 70-х гг. XVII в. Решающее значение в этом процессе имело создание слободы Царево Городище в 1679 г. на реке Тобол.

Уже через несколько лет после своего основания, в середине 80-х гг. XVII в., благодаря усилиям основателя слободы, старожилам и новоприходцам Царево Городище превращается в крупную административно-территориальную единицу местного регионального масштаба. Это отразилось не только в демографических показателях, но и в хозяйственном отношении. Слобода становится важным хлебопроизводящим центром Верхотурско-Тобольского хлебопроизводящего района Сибири.

В социально-экономическом и социально-политическом развитии слободы ярко проявились практически все наиболее важные тенденции развития российского общества в целом и для его окраин в частности.

ГЛАВА 2. БИОГРАФИЯ ТИМОФЕЯ НЕВЕЖИНА И ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЯ ИМ СЛОБОДЫ

Долгое время наши знания об основателе слободы Царево Городище были крайне незначительны. Исследователи не очень утруждали себя поисками информации об этом человеке. Возможно, свою роль в этом сыграли идеологические установки советской эпохи, когда основное внимание уделялось поиску объективных закономерностей в общественном развитии, уводя субъективные причины на обочину исследовательского интереса. Однако изыскания последних лет, в частности курганского журналиста А.Д. Кузьмина, существенно восполнили ранее существующие пробелы в наших знаниях о Тимофее Невежине.

Начнем с фамилии. В современных словарях слово «невежа» толкуется как «грубый невоспитанный человек». Русские фамилии формировались в XV–XVI веках. Вероятно, кто-то из ближайших предков Тимофея носил именно это прозвище. Сложно сказать, насколько эти качества передались будущему первопроходцу. Но, как следует из дальнейших событий, был он человеком решительным и умел постоять и за себя.

Детство и юность

Тимофей Невежин родился в Невьянской слободе Верхотурского уезда.

К какому слою русского общества относились Тимофей и его предки, определить сейчас довольно сложно. Однако известно, что дворянские роды Невежиных были значительны, в позапрошлом веке они были занесены в родословные книги Московской и Калужской губерний. Но ту же фамилию могли носить и крепостные крестьяне принадлежащих помещикам деревень. Точная дата рождения Тимофея Невежина неизвестна. Однако с максимальной долей вероятности можно предположить, что произошло это в сороковых годах XVII века, скорее всего, во время воцарения второго царя из династии Романовых Алексея Михайловича, которое произошло в 1645 г. Отца Тимофея звали Анисим. Возможны две причины того, почему наш герой был привезен матерью в Далматовский Успенский монастырь. Так в это время умер его отец, но не менее вероятно то, что мать стремилась дать сыну образование в единственном монастыре в регионе, приобщить его к христианской культуре. С 1649 года Тимошка еще мальчишкой выполнял

всякую монастырскую работу, без денежного и хлебного жалования, за вклад. Ежедневно общаясь с монахами и самим Далматом, он, вероятно, научился грамоте и мастерству.

Под вкладом подразумевают пожертвование в пользу богоугодных, училищных и других заведений, в особенности в пользу церквей и монастырей. В Древней Руси широко практиковалась система вкладов или вкупов, состоявшая в том, что поступавший в монастырь вносил свой вклад, как бы пай, в общее предприятие или в общий капитал и затем рассуждал так, что, живя в монастыре, он ест и пьет свое собственное и даже помогает монастырской общине.

Однако у Тимофея Невежина был не денежный, а трудовой вклад. Он был обязан трудиться и мог рассчитывать лишь на трапезу. Но при этом Тимофей получал гарантии личной безопасности – он находился под охраной монастыря. Впрочем, на первых порах эта охрана была весьма условной.

История Успенского монастыря начинается незадолго до появления здесь отрока Тимофея. Монастырская колонизация Сибири в значительной степени повторяла северорусскую традицию, заложенную еще Сергием Радонежским. Вначале монах создавал пустынь, а затем к нему стекались другие монахи и крестьяне. Так, создавались значительные агломерации русского населения в ранее не заселенных местах.

В 1644 году на левом берегу реки Исети при впадении в нее речки Течи появляется инок Далмат, пришедший из Невьянского Богоявленского монастыря. Здесь он выкапывает себе пещеру и начинает свой христианский подвиг пустынножительства. Постепенно к нему стекаются сподвижники. Создается Исетская пустынь. Поначалу сподвижники Далмата также обитали в пещере. С годами в этом жилище стало тесно, и монахи строят часовню с деревянными сенями. В этих сенях они и жили, проводя время в молитвах и трудах по обустройству обители.

В 1651 году на пустынь напал султан Кучук, потомок сибирского хана Кучума. В более поздних рассказах это нападение не совсем верно приписывалось калмыкам, хотя очевидцы упоминали в отряде Кучумовича только татар. Оно было спровоцировано земельными спорами между местными жителями и монахами из-за земельных угодий на Исети. Была сожжена и разграблена часовня, убиты три монаха и семнадцать монастырских служителей, а «двадцать человек обоего пола» увели в плен. Лишь немногим удается спастись бегством, в том числе основателю обители Далмату и послужимцу Тимофею. Вернувшись на пепе-

лище, Далмат и оставшаяся в живых братия нашли на пепелище икону Успения Богоматери, чудесным образом уцелевшую в огне. Вскоре монахи заново возобновили обитель.

В 1662 году монастырь вновь подвергается нападению, вызванному бунтом местного тюрко-татарского населения. Но и в этот раз Тимофею Невежину, как и старцу Далмату, удалось уцелеть. В переписных книгах К. Дохтурова 1662 года Тимофей Анисимов записан в числе монастырских детенышей[9].

В 1665 году Тимофей Анисимов сын Невежин женится на Настасье, Родионовой дочери. Они остаются здесь же, при монастыре, где Настасья «работала дворцовую и всякую работу». В 1671 году по указу митрополита Сибирского и Тобольского Корнилия за их труды им была дана вкладная запись. Митрополит отметил безупречный труд Тимофея на протяжении 22 лет и его жены Настасьи в течение шести лет. В указе далее говорится: «быть им и впредь в обители. И поить, и кормить, и одевать, и обувать монастырским казенным платем, а захотят и постричись и их, Тимофея с женою ево, постричи безденежно за те их прежние труды»[10].

Игумен обратил внимание на добросовестную работу молодого человека и записью во вкладной книге отдал должное его трудолюбию. Причем в этом списке имя Тимофея Анисимова стоит одним из первых, многие другие вкладчики появились в монастыре позднее.

Трудности зрелой жизни

В 1671 году в Далматовском Успенском монастыре была построена и освящена Богоявленская церковь. Вскоре игумену Иосифу были даны записи или кабалы 1673 года людьми на житье при монастыре. В 1674 году Иосиф получает новое назначение – в Тобольске. И вот в 1674 году неожиданно большой вес в управлении монастырем приобретает строитель Никон. Пользуясь своей властью, он вдруг объявил все составленные ранее вкладные записи подложными. Тем самым Никон бросил тень не только на Иосифа, но и на самого Далмата. Причем, если престарелого основателя монастыря можно укорить в недосмотре, то прежнего игумена – в прямых злоупотреблениях.

В 1674 году к строителю Никону от митрополита Корнилия приходит

---

[9] *Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII – начало XVIII в.) : сб. документов ; сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992. С. 164.*

[10] *Там же. С. 14.*

грамота с указанием не обижать вкладчиков. Но конфликт разрастается. Те, на кого возведена напраслина, протестуют. Тогда в 1675 году игумен Афанасий получает «память» от митрополита Корнилия из Тобольска выслать старца Никона на очную ставку с Тимошкой Анисимовым – именно он вызвался представлять интересы вкладчиков[11]. Дело дошло до рукоприкладства. Двое вкладчиков монастыря крестьяне Дмитрий и Спиридон Никитины нанесли Никону ножевые ранения.

По наказной памяти 24 февраля 1676 года ко дню Алексия Человека Божия в Тобольске игумен Афанасий Никон в Софийском судном приказе держал очную ставку с поверенным крестьян пашенных Васькой Софроновым и вкладчиком Тимошкой Анисимовым и челобитные их никак «не мог опровергнуть». Суд встал на сторону челобитчиков и постановил в наказной памяти: «Никону впредь строителем быть не велят, потому, будучи он в строителях, в монастырской казне учинил хитрость большую и всякие дела делал без братского ведома и вкладчикам и крестьянам и бобылям налога и обиды чинил».

Основание слободы: спор о дате

Возможно, указанный конфликт сыграл решающую роль в дальнейшей судьбе Тимофея Анисимовича Невежина. Через несколько лет он уходит из монастыря и основывает новую слободу – Царево Городище. К этому времени ему уже около 40 лет. Однако история создания слободы, вернее, изучения этого события весьма поучительна и заслуживает отдельного сюжета.

За почти 200-летний период разные исследователи касались проблемы основания слободы, но преимущественно лишь обозначая конкретную дату, не указывая источников и не приводя каких-либо аргументов. Только в середине XX в. ряд исследователей начали обращать особое внимание на необходимость точного обоснования даты основания слободы Царево Городище.

Исторически первым изданием, обнаруженным нами, где присутствовала конкретная дата возникновения слободы, было «Статистическое обозрение Сибири», изданное в 1810 г. и составленное чиновником министерства внутренних дел, статским советником М.Н. Баккаревичем: «Застроена в 1596 г. небольшим деревянным укреплением, которое названо было Кургано-царевым городищем». В 1854 г. в «Вестнике Императорского русского географического общества» историк-краевед

[11] *Там же. С. 164.*

и этнограф Н.А. Абрамов, родившийся в Кургане, в статье «Слобода Царево Городище до переименования ее городом Курганом» указывает другую дату – 1653 г. В «Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 г.» утверждалось, что Курган основан в 1633 г. Более раннюю дату основания – 1616 г. – указывает известное энциклопедическое издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Особое место в этом ряду занимает утверждение «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона об основании Царева Городища в 1553 г., что абсолютно невероятно, так как самые восточные рубежи российского влияния в это время проходили где-то в Предуралье, а Притоболье находилось под контролем Сибирского ханства. Что это, опечатка или досадная ошибка, пока выяснить не удалось.

В середине XX в. исследователи перестали произвольно указывать даты основания слободы, а пытались их как-то обосновать или, по крайней мере, указывать источники заимствования. Р.М. Кабо писал, что «данные о времени появления слобод крайне противоречивы», и в качестве примера приводил именно слободу Царево Городище, называя пять возможных дат со ссылкой на различные издания XIX в. Но в книге Л.Е. Иофа «Города Урала», изданной через два года после исследования Р.М. Кабо, дата основания (1616 г.) вновь была приведена без достаточных обоснований. Однако эта дата оказалась как нельзя кстати для обоснования особой пространственной конфигурации русской колонизации Урала: «В первой четверти XVII в. Урал оказался зажатым между двумя сходящимися к северу колонизационными линиями, как бы, грубо упрощая, сторонами треугольника, вершиной которого, скажем, служила Чердынь, основаниями – на западе Мензелинск и на востоке Царево Городище (Курган), которые, кстати говоря, лежат почти на одной широте».

Особо необходимо сказать о позиции известного курганского краеведа Е.С. Селеткова, который датой основания слободы считал 1635 год. В своем письме с критикой позиции А.А. Кондрашенкова и Н.А. Лапина, направленном в Курганский обком КПСС и редакцию газеты «Советское Зауралье», Е.С. Селетков ссылается на хорошо известные в науке анкеты Г. Миллера. В сибирские слободы и города были направлены анкеты, в которых задавались вопросы об их хозяйственном и прочем состоянии, а также о времени основания. В 1741 г. из слободы был получен ответ, в котором отмечалось, что документов об основании населенного пункта не сохранилось, а, по мнению старожилов, Царево

Городище было основано в 1635 г. Фактически мы вновь сталкиваемся с очень сомнительным обоснованием даты основания слободы.

Первыми исследователями, кто решил окончательно разобраться с этой проблемой, были курганские историки А.А. Кондрашенков и Н.А. Лапин. В начале 1960-х гг. они попытались обосновать наиболее приемлемую дату основания. По их мнению, это 1662 г.: «Первое упоминание о Царевом Городище находится в архивных документах, возникших в связи с перепиской по поводу русских поселений, основанных в 1662 году. Отписка верхотурского воеводы Камынина тобольскому воеводе Хилкову, написанная весной 1662 года, в числе других слобод прямо называет Царево Городище «новой слободой». Осенью 1662 года Хилков направил в Верхотурье грамоту, которая предписывала в слободах Царево Городище, Мехонской и Барневской «с громленных крестьян оброчного хлеба не брать... а пожженные дворы велеть застроить». Эта грамота еще раз убеждала исследователей в том, что слобода Царево Городище существовала в 1662 году, но основана была недавно, и население еще пользовалось льготами. Однако через несколько лет в автореферате докторской диссертации А.А. Кондрашенков не был столь категоричен: «… слобода Царево Городище появилась не ранее 1662 года…»

В 1995 г. в 1 томе «Истории Курганской области» В.В. Менщиков выразил сомнение в правильности выводов А.А. Кондрашенкова и Н.А. Лапина. На основании более детального источниковедческого анализа автор высказал предположение, что слобода была основана не ранее 1673 г. и не позднее 1680 г. Благодаря генеалогическим изысканиям екатеринбургских исследователей С.В. Трофимова и Ю.В. Коновалова гипотеза В.В. Менщикова получила дополнительное подтверждение. Это дало в дальнейшем возможность утверждать, что слобода Царево Городище была основана в 1679 г. В частности, это было отражено в соответствующей статье в «Большой Российской Энциклопедии».

В связи с тем, что важнейший документ – «наказная» грамота на основание слободы – отсутствует, нам было необходимо найти первое реальное упоминание о слободе, а также с помощью косвенной информации создать внутренне непротиворечивую и согласованную картину появления слободы Царево Городище.

Итак, более детальный источниковедческий анализ приводимых Н.А. Лапиным и А.А. Кондрашенковым документов показал ошибочность выводов этих исследователей. В отписке верхотурского воеводы

Камынина тобольскому воеводе князю Хилкову действительно говорится о новой слободе Царево Городище в 1662 году, однако здесь речь идет совсем о другом населенном пункте, не на Тоболе, а на Исети! Приведем более полный отрывок из цитируемого Н.А. Лапиным и А.А. Кондрашенковым документа: «... чтоб ис Катайского острогу и из иных верхотурских слобод приказчики впредь на Исеть реку на Мехонину курью и на Царево Городище и на Барнево в уезд для пошлинного зборуниково не посылали... А Илья Бакшеев ис Катайского острогу ко мне и к подъячему к Ивану Артемьеву писал: посылал де он Илья ис Катайского острога вниз по Исети реке, где промышляют Верхотурского уезду из слобод крестьяне рыбу, Катайского острогу таможенного зборщика беломестного казака Ефсейка Ерафеева да беломестного казака Федьку на великих государей пошлины сбирать попрежнему; и на Царево Городище Верхотурского уезду слободских крестьян у МеркушаЗаикова с товарищами десятые пошлины взял 3 рубли; и слободчик – де Юшко Соловей тех Ефсефейка да Федьку посадил в студеную баню и держал 3 дни и послал на Мехонину курью по прикащика по Давыда Андреева...».

Как видно, вполне определенно говорится о приисетских слободах. Села Мехонское и Барневское – до сих пор существующие на Исети поселения. Здесь же упоминается хорошо известный исследователям Юшка Соловей, он же Юрий Малечкин, основатель Шадринской слободы, который именно в Царевом Городище арестовал злополучных сборщиков пошлины. С исетским Царевым Городищем мы вновь встречаемся в материалах 1668 г. по делу того же Юрия Малечкина: «... в прошлом во 170-м году (1662 г. от Рождества Христова – В.М.) по указу великих государей по тобольской памяти велено Юшку Соловью в Тобольском уезде по Исете реке на Царево Городище слободу строить и крестьян призывать и вольных гулящих людей...» Вот оно – прямое указание источника 1660-х гг. о слободе Царево Городище, но не на р. Тобол, а на р. Исеть, которое не имеет никакого отношения к будущему городу Кургану. Ко всему прочему на одной из карт так называемой «Хорографической книги», составленной в 1699 г. известным исследователем и картографом Сибири С.У. Ремезовым, на карте Приисетья указано Царево Городище на р. Исети, недалеко от Шадринской слободы.

Таким образом, Н.А. Лапин и А.А. Кондрашенков были не правы, когда отождествляли упомянутое в документах 1660-х гг. Царево

Городище со среднепритобольной слободой. Но почему столь квалифицированные историки не заметили столь очевидных противоречий в их системе аргументации? Ответ на этот вопрос может содержаться в анализе тех обстоятельств, при которых появилась на страницах научных изданий их точка зрения. Впервые обоснование новой даты основания слободы появилось в № 10 «Вопросов истории» за 1962 г. и в «Ученых записках Курганского государственного педагогического института» за этот же год, на который в данном случае приходилось 300-летие со дня основания Кургана. Видимо, не случайное совпадение – кому-то очень хотелось отметить крупный юбилей со всеми вытекающими из него обстоятельствами.

Можно предположить также, что эти историки посчитали данное название уникальным, однако и это не так. Еще И. Завалишин в середине XIX в. писал: «Остатки вала и рва, следы татарского владычества, еще до сих пор приметны в той части нынешней Тюмени, которую называют "Царевым Городищем"». Подобное название вполне могло быть достаточно распространенным в Зауралье, которое изобиловало курганами, удобными для расположения на них укреплений. Вероятно, что именно о таком месте на реке Исеть писал П. Словцов: «Равномерно в 6 верстах от Шадринска подле протоки найдено городище с земляным валом и рвом». Возможно, что на этом месте в начале 1660-х гг. возникла исетская слобода Царево Городище, вскоре по каким-либо причинам исчезнувшая. Может быть, причиной этому послужили разорения в ходе башкирского восстания 1662 г., после которого эта слобода так и не была восстановлена.

Первое же реальное упоминание слободы Царево Городище на р. Тобол в документах XVII в. содержится в «наказной» грамоте на основание Иковской слободы в 1680 г.: «...строить вверху Тоболу реке на порожжей земле, промеж слободы Белозерские слободчика Степки Нестерова да промеж слободы Царева городища слободчика Тимошки Невежина...» Здесь говорится об основателе слободы слободчике Тимофее Невежине, он назван именно слободчиком, а не приказчиком, которые сменяли через некоторое время первых. Навряд ли он смог бы быть слободчиком в течение 20 лет, когда основная масса основателей сибирских слобод руководила этими населенными пунктами в среднем не более 5-6 лет.

Анализ косвенных данных более раннего времени не дает удовлетворительного ответа о существовании слободы Царево Городище

на Тоболе до 1680 г. В 1667 г. по приказу нового тобольского воеводы П.И. Годунова было проведено описание подведомственных ему земель, на основании которого начиналось строительство Исетской сторожевой линии. Она шла от Тарханского острога к Исетскому, а затем вверх по р. Исеть. В этом документе ничего не говорится о каких-либо русских поселениях выше по р. Тобол от устья р. Исеть, нет ни Белозерской слободы, ни Царева Городища. Безусловно, данное географическое описание не может претендовать на абсолютную полноту, так как в нем не упоминаются уже точно существовавшие к этому времени населенные пункты на Исети, например, Рафайлов монастырь и Кодская заимка. Но навряд ли пограничная линия прошла бы севернее, если бы южнее, в Среднем Притоболье, существовали уже более или менее крупные русские поселения, которые обладали важным стратегическим положением ввиду значительной продвинутости в лесостепные районы.

В Тобольской редакции 1673 г. так называемой «Книги Большому Чертежу» также нет упоминаний о слободе Царево Городище, а граница русских поселений в Южном Зауралье также проходила по р. Исеть и не захватывала Среднее Притоболье.

Но все вышеприведенные данные носят все-таки косвенный характер. Но относительно недавно екатеринбургские исследователи Ю.В. Коновалов и С.В. Трофимов обратили внимание на достаточно хорошо известный документ, который подтвердил наши предположения о том, что Царево Городище было основано не ранее 1673 г. и не позднее 1680 г. В переписи Тобольского уезда 1681-1683 гг., проведенной Л.М. Поскочиным, говорится: «Слобода Царево Городище... построена во 187-м году», и далее: «Слоботчик Тимошка Онисимов сказал: родился он Верхотурского уезду в Невьянской слободе и жил в Долматове монастыре за вклад. И во 187-м году велено ему на Цареве Городище строить слободу». Получается, что основана слобода была, по этим данным, в 1679 г. от Рождества Христова, что соответствует 7187 году от Сотворения Мира, как сообщается в данном документе. Как отмечают С.В. Трофимов и Ю.В. Коновалов, «уточняются и сведения об основателе слободы. Звали его действительно Тимофей. Не противоречат друг другу и его именования в источниках Анисимовым и Невежиным; он вполне мог быть «Анисимовым сыном Невежиным». А вот уроженцем он оказывается не Тюменского, а Верхотурского уезда», однако в дальнейшем он мог быть приписан к Тюмени и оттуда прибыть в Среднее Притоболье.

Таким образом, проведенные нами поиски дают возможность определить как наиболее вероятную дату основания слободы Царево Городище 1679 год. В конце XVII в. слобода становится важнейшим форпостом русских поселений в регионе, особенно в условиях усилившегося натиска с юга с 1690-х гг. киргиз-кайсаков (казахов). В 1680 г. рядом возникают Иковская и Утятская слободы. Таким образом, в среднем течении Тобола формируется целая слободская агломерация, центром которой становится именно Царево Городище на Тоболе, впоследствии ставшее городом и уездным центром Тобольской губернии.

Остается еще один невыясненный вопрос: кем был Тимофей Невежин с точки зрения сословной принадлежности? Это действительно сложная проблема, так как именно в это время и происходит по-настоящему правовое оформление сословий российского общества (Соборное Уложение 1649 г.). Хотя в свое время А.Д. Кузьмин отмечал, что Тимофей Невежин пашни и покосов не имел, однако это не являлось определяющим признаком отношения к данному сословию. Известно, что крестьяне могли заниматься и торговлей, и промыслами, а стрельцы, к примеру, хлебопашеством. Так что его принадлежность к крестьянскому сословию вполне вероятна. Однако после того, как он стал основателем слободы, статус его все-таки изменился. Он стал слободчиком. Слободчик, по сути, был государственным чиновником. Он брал поручные записи (обязательства) «избою поселиться, землю под пашню распахать» и «после льготных лет не сбежать и платить подати». Все основывалось на договорных свободных отношениях. В обязанности слободчика входило также отводить землю под дворы, огороды, пашни и сенокосы. Более верно назвать Тимофея Невежина представителем служилых людей «по прибору».

Старообрядцы и Тимофей Невежин

XVII в. Русская православная церковь и все русское общество пережило существенное испытание – раскол. Недовольные реформами патриарха Никона сторонники сохранения русского православного канона XVI в., закрепленного решением так называемого Стоглавого Собора, отказались принимать позицию Никона. Многие старообрядцы или раскольники стали сбегать от притеснений власти на окраины Российского государства, в том числе и в Сибирь.

В 1681/1682 году Тобольский воевода князь Алексей Андреевич Голицин послал отписку тюменскому воеводе Тимофею Григорьевичу

Ртищеву о появившихся в Утяцкой слободе Тобольского уезда раскольниках: «Написал мне Тобольской слободы Царева городища слободчик Тимошка Невежин: в нынешнем де ... году Утяцкие слободы от Фетки Иноземцева обвели объезжие дороги мимо Царева городища и объезжают всякие люди. А сбираются к нему старцы и белцы с женами и с детми с Тюмени, с Кецкого остогу, из Мехонской слободы раскольщики и раздорщики, и ко святой божьей церкви и ко отцам духовным не ходят, и всякие богохульные речи испущают и в дома свои духовных отцов не пущают…» Тут же воевода отдал приказ: «Послать с Тюмени в те слободы сына боярского и подъячего сыскать из каких слобод, какого чину в тое заимку собрались»[12].

Для старообрядцев Утятской слободы письмо Тимофея Невежина имело самые роковые последствия. Голицин потребовал от слободчика Федора Иноземцева объяснений, на что раскольники отвечают, что «и впредь они великим государям креста целовать не хотят». Налицо бунт! Для вразумления раскольников в слободу Утяцкую выехал игумен Успенского монастыря Исаакий, сын Далмата, но с ним отказались разговаривать. Тогда воевода велел поставить заставы по всем дорогам, ведущим в мятежную слободу. Вероятно, наряду с другими охрану несли казаки и драгуны из Царева Городища. В декабре 1682 года отряд «тюменских служивых людей, литвы и конных казаков» во главе с Петром Титовым сыном Текутьевым окружил Утяцкую слободу со всех сторон. Когда отряд пошел на штурм, старообрядцы подвергли себя массовому самосожжению. Семь старцев были схвачены живыми, увезены в Тобольск. На несколько лет слобода прекратила свое существование.

Дальнейшая судьба слободчика

В 1686 г. Тимофея Невежина сменяет приказчик Петр Спиридонов. По сословной принадлежности он был сыном боярским, погибшим вместе с семьей в 1691 г. во время очередного набега кочевников. Замена слободчика приказчиком означала важный рубеж в развитии слободы, хотя объем обязанностей должностного лица практически не менялся. Слобода превращалась в крупную административно-территориальную единицу, в которую входил не один населенный пункт, а несколько сел и деревень, в 1686 г. Царево Городище достигло такого состояния.

К сожалению, дальнейшая судьба Тимофея Анисимова сына Невежина нам неизвестна. Да и фамилия Невежин в этих краях в XVIII

[12] *Дополнения к Актам историческим. Санкт-Петербург, 1867. Т. X. С. 8-9.*

веке встречается только один раз. В переписных книгах 1708 года отмечено, что в деревне Кондиной, относящейся к Мехонской слободе, расположен двор, в котором проживал крестьянин Иван Тимофеев сын Невежин с сыном Герасимом. В современном Кургане нет ни одного носителя этой замечательной фамилии.

Однако в переписи Василия Турского за 1710 год по деревне Арбинской написано: «Во дворе крестьянина Осипа Слободчикова живет в остроге, сказался 30 лет, жена Офимья 30 лет, сын Андрей 5 лет, дочь Ксения 9 лет, Акилина году, у него же тетка Катерина 55 лет»[13]. По мнению А.Д. Кузьмина, Осип – сын Тимофея Анисимовича Невежина, так как известно, что примерно в 1679 году у него родился сын Осип, а в 1682 году – Евдоким. Фамилия Слободчиковых прослеживается в городе Кургане до наших дней. Однако это слишком смелое предположение.

Несмотря на имеющиеся отсылки к тому, что в это время в среде крестьян фамилии еще не закрепились, на самом деле это не совсем так. Во-первых, примечательным исключением были крестьяне севера русских земель, которые образовали значительную массу переселенцев в Западную Сибирь. Во-вторых, фамилии были у большинства, если не у всех государственных крестьян. В-третьих, имеющиеся материалы переписей показывают сохранение таких фамилий в сибирских населенных пунктах, начиная с XVII века, в том числе именно в крестьянской среде. В связи с этим не совсем ясно, как фамилия Невежиных могла перейти в Слободчиковых, даже если списать это на происхождение от прозвища Тимофея Невежина. На данный момент следует признать, что найти явных потомков основателя слободы не удается.

Еще большую загадку представляет то, чем занимался Тимофей Невежин после того, как передал управление слободой приказчику Петру Спиридонову. Возможный ответ на это скрывается на страницах полевого межевого журнала 1838-1840 годов при описании земель почетного гражданина и купца первой гильдии Н.Ф. Мясникова при речке Черный Ик. В документе указано: «...статья сия состояла как видно из заключенного мною контракта по межам от мельницы слободчика, коя стоит в пустее (на пустыре) Тимофея Неведина, расстояние на пять верст по грани в зарешную сторону от Сухой Согрыдо истоку...»[14]. Надо полагать, что основным источником дохода семьи Невежиных и была эта мельница.

[13] *РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1526. Л. 199 об.*

[14] *ГАКО (Государственный архив Курганской области). Ф. И-245. Оп. 1. Д. 1841. Л. 68*

Таким образом, информация, собранная буквально по крупицам из разных источников, позволила нам составить общий биографический портрет основателя слободы, определить некоторые его черты характера и его роль в развитии нашего родного края.

Наконец-то, мы можем более или менее точно назвать его полное имя – Тимофей Анисимович Невежин. Основатель слободы был далеко незаурядной личностью, обладал сильным характером, был смелым и предприимчивым человеком, не сгибавшимся под ударами судьбы, а неустрашимо шедшим навстречу неизвестности и вызовам жизни.

Тимофея Невежина можно, с одной стороны, назвать типичным представителем своей эпохи (XVII в.), с другой – любая типология является упрощением действительности. Все свои черты характера он приобрел в ходе весьма непростой жизни. С детства являлся вкладчиком Далматовского монастыря, с раннего возраста познал особенности и сложности монастырской жизни, был свидетелем неоднократных набегов кочевников на монастырь. Случилось ему поучаствовать и во внутреннем конфликте, из которого он вышел, можно сказать, победителем. Затем новый этап его жизни – основание слободы и заботы по ее обустройству. Но после того, как он перестал быть слободчиком, мы ничего не знаем о его судьбе. Поэтому перед поколениями будущих исследователей Тимофея Невежина остаются нерешенными важные задачи: из какой же социальной (сословной) среды он вышел и куда делся он и его потомки.

ГЛАВА 3. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ СЛОБОДЫ И ЕЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Арбинский яр до прихода русских

Первый вопрос, который в это связи возникает, почему именно здесь? Место, где Тимофей Невежин начал строительство слободы Царево Городище, неоднократно осваивалось людьми[15]. В разные периоды истории для проживания и отправления обрядов предпочтение отдавалось одинаковым местам – возвышенным, прилегающим к водоемам, чаще всего, к рекам. Тем более, что именно по рекам и речным берегам как шли потоки переселенцев, так и в дальнейшем формировались хозяйственные и политические связи. Контроль над ними давал возможность увеличения собственного благосостояния и влияния на окружающие группы населения. С памятниками археологии это порой играет злую шутку, ведь удобные для проживания места заселялись и русскими первопоселенцами, на месте обитания которых впоследствии вырастали деревни и города, стирая следы пребывания тысячелетней давности. Не является исключением и территория г. Кургана, где обнаружение археологических объектов – дело крайне сложное и подчас носит случайный характер. Древнейшие находки на территории нашего города относятся к периоду неолита (6-7 тысяч лет назад). Именно охотники и собиратели этого времени оставили в нижних слоях археологического памятника «Культурный слой г. Кургана» несколько своих каменных орудий.

Около 4 тысяч лет назад, то есть в эпоху бронзы, в районе Арбинского яра (современный микрорайон Энергетики) появился большой курганный могильник. Это было время не только становления новой технологии изготовления орудий труда и оружия, когда камень все чаще начинает заменяться на бронзу, и формирования многоотраслевого животноводства, но и значительных изменений в области культовых практик. Появляются новые, ранее не известные формы организации погребального обряда – подкурганные захоронения, принесенные в наш регион из степей.

Курган был культовым местом, состоявшим из могил, жертвенников, надмогильных сооружений. В центре кургана находилось основное за-

[15] *При описании археологических следов заселения мы используем материалы статьи: Новиков И. К., Рябинина Е. А., Маслюженко Д. Н. Древности Курганского Притоболья // Альманах «Тобольск и вся Сибирь». Курган. XXIII том. Тобольск : Издательский отдел Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2014. С.249-260.*

хоронение, часто окруженное кострищами (по всей видимости, площадка первоначально освящалась огнем), следами от столбов, идущих по кругу. Стенки погребений были укреплены деревянной рамой. Вокруг основного центрального захоронения располагаются периферийные – детские погребения. Дошедшие до наших времен оплывшие, часто разрушенные земляные насыпи не могут передать заложенной древними строителями формы. Погребальное сооружение в виде кургана в представлениях древнего населения воспринималось не только как место захоронения умерших родственников. Курганные могильники выполняли помимо своей основной функции еще и роль маркеров территории: расположенные на доминирующих возвышенностях, они были видны на большом удалении, однако ни один могильник бронзового века не располагается в непосредственной близости от поселенческих комплексов этого же периода, их всегда отделяла какая-либо естественная преграда: река, озеро, лог. В нашем регионе эту идею впервые стали использовать носители такой археологической культуры, как синташтинская (XXI-XVIII вв. до н.э.). Ранее они построили знаменитые городища (укрепленные поселения) с круговой планировкой, в том числе Аркаим на территории Челябинской области. Под их влиянием идея курганного погребального обряда оказалась востребованной носителями петровской и алакульской археологических культур (XVIII-XVI вв. до н.э.). Именно они начали строить большой курганный могильник, в центре которого позднее появится колоссальная насыпь «Царева кургана», символа нашего города.

Первые его упоминания встречаются еще на чертежах С.У. Ремезова в 1690-х гг. О курганах вокруг нашего города писали такие исследователи и путешественники XVIII-XIX века, как П.С. Паллас, И.П. Фальк, О. Солунов, Н.А. Абрамов, Р.Г. Игнатьев, И.Я. Словцов, А.О Гейкель. О них упоминали бывшие на поселении в Кургане декабрист А.Е. Розен и связанный с этим движением И.И. Завалишин. Р.Г. Игнатьев в «Тобольских губернских ведомостях» от 1873 года писал по поводу названия города и изображения курганов на его гербе, что «не один город, а все его окрестности, – весь округ по этому множеству памятников так называемого «курганного периода истории народов», вполне заслуживает своего настоящего названия»[16].

Однако точное число курганов рядом с городом так и остается не

[16] *Игнатьев Р. Г. Памятники древностей в Курганском округе, Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. 5 мая 1873 г. № 18. Часть неофициальная.*

выясненным17. Так, например, по данным Тобольского губернского статистического комитета, по решению которого составлялась археологическая карта Курганского округа в 1872 году, известно, что «рядом с Царевым курганом лежали еще два кургана, диаметром до 10 сажен, вышиною до 2,5 аршин, а третий, находящийся к северу, расстоянием в 650 сажень, в окружности до 52 сажень, в диаметре 27 сажень и вышиною до 1,5 сажень».

Впервые эти курганы были исследованы раскопками в 1893 г. финским археологом и этнографом Акселем Олаем Гейкелем, входившим в состав императорской археологической комиссии. Им было раскопано две курганные насыпи могильника №8 и №9. Они были исследованы частично перпендикулярными траншеями, как это было принято по методике того времени. Он сообщает, что эта территория ежегодно затапливалась и сложно «… представить, какое огромное количество курганов было затоплено, если учесть тот факт, что там, где сейчас течет река, несколько десятилетий назад между курганом и берегом проходила дорога». Кроме того, исследователь пишет, что рядом с раскопанными им курганами «также несколько других, меньшего размера, не были упомянуты в каталоге Словцова». Он говорит о находках остатков скелетов в разных местах берега, которые были разрушены рекой и наводнениями. Другие исследователи (П.С. Паллас, И.П. Фальк), описывая Царев курган, также упоминают, что вокруг него были расположены невысокие насыпи других курганов. А.О. Гейкель оставил довольно верное описание Царева Кургана: «Я также обнаружил другой «гигантский» курган, его можно назвать «курган-царь», расположенный примерно в 7 км к юго-западу от города Курган. Он находится недалеко от деревни Курганская, на левом берегу Тобола… Поверхность кургана плоская… Представляется, что на этом кургане отмечали народные праздники и, соответственно, он был выровнен именно для этой цели. Ровная поверхность этого «великолепного» кургана не свидетельствует о том, что он не был разграблен кладоискателями»[18](рисунок 1).

---

[17] *На данный момент есть все основания говорить, что курганное поле могло доходить до здания ТЭЦ, при строительстве которой был найден бронзовый акинак раннего железного века. При этом значительное число курганов при строительстве 1960-1970-х гг. была просто снивелирована с помощью техники, но сами погребения остались под землей, как это видно из погребения эпохи бронзы, обнаруженного к западу от реконструкции слободской крепости при прокладке труб в 2105 году.*

[18] *Heikel A. Antiquities de la Sibérie Occidentale. Helsingfors, 1894. P.98, 104.*

Рисунок 1 – Царев курган около деревни Курганской в Троицын день. Фото А.И. Кочешева. Первая половина 1890-х гг.

Еще один из самых авторитетных уральских археологов К.В. Сальников отмечал, что непосредственно рядом с Царевым курганом, по свидетельству местных жителей, был еще один курган (поэтому на гербе изображены два кургана, а не один), но он был смыт рекой во время наводнения за несколько десятилетий до начала раскопок. Во время же раскопок было обнаружено погребение без насыпи и небольшой курган у основания Царева кургана.

В 1959-1960 гг. К.В. Сальников продолжил исследование могильника, частично раскопав насыпь огромного Царева кургана высотой около 5,5 м и диаметром 92 м[19], которая находилась на окраине Энергетиков (рисунки 2-3).

[19] *В середине XX века в археологической методике сохранялось представление о том, что для изучения погребальной насыпи было вполне достаточно раскопать ее центр с помощью траншеи, ориентированной с севера на юг. Это действительно позволяло охватить наиболее крупные, но чаще ограбленные сооружения под насыпью. Однако при больших курганных насыпях в реальности на периферии могло остаться неизвестное число иных объектов. Кроме того, при изучении двухслойных памятников, как это случилось с насыпью Царева кургана, археолог не мог учесть возможности смещения ее центра. В результате К.В. Сальников, скорее всего, обнаружил не все погребения и жертвенные комплексы.*

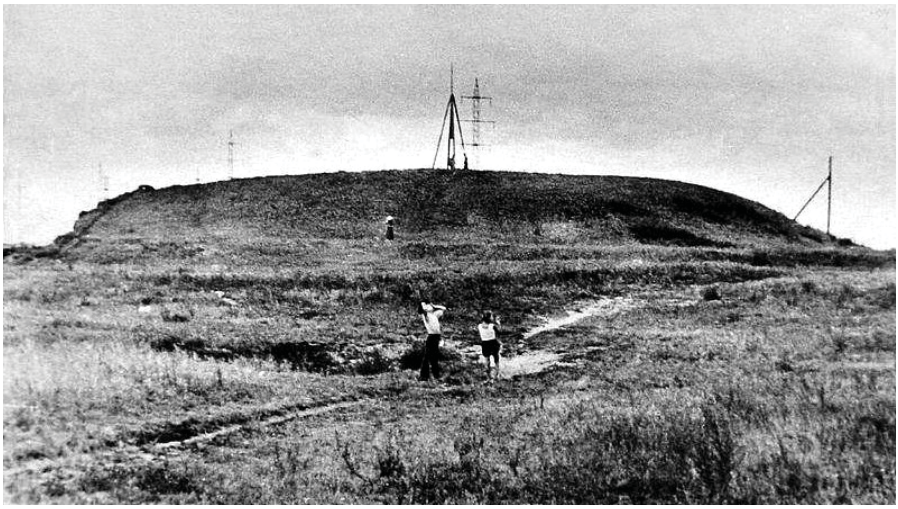

Рисунок 2 – Царев курган перед началом раскопок К.В.Сальникова. 1959 г.

Рисунок 3 – Расчистка центрального погребения Царева кургана в ходе раскопок К.В.Сальникова. 1960 г.

Оказалось, что колоссальная насыпь раннего железного века перекрывала курган бронзового века. Во время его раскопок было исследо-

вано 13 могил этого времени. Керамический материал 12 могил позволил отнести их к петровской (раннеалакульской) культуре андроновской общности. Все они, кроме одной, были ограблены. Неограбленное захоронение содержало в себе пять характерных для этого времени плоскодонных сосудов, бронзовый топор, шило и кинжал.

Одна из исследованных под курганной насыпью могил относится к синташтинской культуре. Захоронение было совершено в могильной яме глубиной более 2,5 м от уровня древней поверхности. Погребение было перекрыто практически полностью разрушенным бревенчатым накатником. На его краю обнаружены останки жертвенных животных: кости ног и черепа пяти коров и черепа двух овец. На дне могильной ямы были обнаружены фрагменты человеческих костей, каменный наконечник стрелы, четыре копыта лошади, фрагменты керамики синташтинского типа, у северной стенки погребения найдены останки костяка ребенка и череп коровы. В 1,5 м к северо-востоку от этой могилы находилась жертвенная яма овальной формы 2×1 м, глубиной 1 м. В ее заполнении были зафиксированы рассеченные кости ног и черепа нескольких особей коров и одной овцы. Поверх фрагментов костяков животных лежал целый костяк собаки. В процессе формирования погребального обряда андроновской культуры претерпевал эволюцию и обряд жертвоприношения. Так, носители синташтинской и петровской культур зачастую использовали в жертвоприношениях целые туши животных, но с течением времени в обрядах стали использовать части животных, а именно одну конечность и голову, что, по сути, является упрощением, формализацией обряда жертвоприношения.

В эпоху раннего железного века (VII в. до н.э. – IV в. н.э.) на территории современного города Кургана обитали полукочевые племена, относящиеся к гороховской культуре, которая была распространена в этот период вдоль течения рек Тобол и Исеть. Родственными племенами, заселявшими эту территорию, были племена саргатской культуры, которые пришли на территорию Притоболья в IV-III веке до н.э. из Прииртышья. Эти племена были очень похожи как по традициям погребального обряда, так и по хозяйственному укладу и образу жизни. Это облегчало связи между ними, в том числе и в сфере брачной обрядности, поскольку в жилищах на некоторых поселениях этого времени найдены сосуды двух этих культур совместно.

Их основным способом хозяйствования было полукочевое скотоводство, стада в течение пастбищного сезона выпасали вдали от основ-

ного места проживания, постоянно перекочевывая и устраивая временные жилища. В результате от таких племен чаще всего остаются только погребальные памятники в виде отдельных курганов и могильников. Такие памятники были обнаружены в большом количестве как на самой территории города (могильник Маврин Увал в поселке Заозерный, курганы у станции Курганской и Царев курган в поселке Энергетики), так и вокруг города (курганная группа Зайково I, Хохловатский курган, Орловский курганный могильник, курганы у станции Затвор).

Среди оставленных ими памятников, несомненно, наиболее выдающимся является Царев курган, построенный сверху на уже существовавшем кургане бронзового века. Таким образом, изначально использовалась насыпь имеющегося кургана, которая потом достраивалась из дерна или досыпалась. Однако в случае Царева кургана трудозатраты по сооружению даже этой «дополнительной» насыпи все равно были колоссальными. Некоторые из курганных насыпей раннего железного века были окружены круговыми рвами (Царев курган и курган, расположенный рядом, курган на Маврином Увале, Хохловатский курган). Тем самым в представлении древних проводилась символическая граница, отделяющая территорию захоронения – «мир мертвых» предков от «живого» мира людей.

Как правило, такие погребальные объекты были центрами больших родоплеменных кладбищ. Размеры Царева кургана на момент описания его в 1860 году Н.А. Абрамовым составляли 7 сажень (почти 15 м) в высоту и 80 сажень (около 170 м) в окружности. По сведениям П.С. Палласа курган был окружен земляным валом и рвом (по свидетельству И.Я. Словцова, двумя высокими валами, разделенными рвом). Размеры рва на момент раскопок также были достаточно внушительные – ширина до 13 метров и глубина до 1 метра. При этом еще в конце XVIII века вершина кургана была снесена по приказу князя Мещерского, что позволило П.С. Палласу писать о том, что «холм сей имел сперва вид конический, и был гораздо выше, нежели теперь». По всей видимости, какие-то работы, возможно, связанные с постройкой Троицкой часовни, велись здесь и в дальнейшем. По этой причине перед началом раскопок К.В. Сальников фиксировал высоту насыпи всего в 5,5 м.

Под насыпью была обнаружена сложная шатровая конструкция, встречающаяся в других курганах гороховской культуры Зауралья (например, Шмаковский могильник в Приисетье). Могильная яма размерами 9х10 метров при глубине 3 метра была вдоль стен обшита специально

обработанными деревянными бревнами. Кроме того, здесь находились остатки от столбов и горизонтальных досок возможно, по мнению К.В. Сальникова, для нар. В результате получился своего рода «дом мертвых» со стенами, крышей и полками. Перед помещением умершего в могилу внутреннее пространство погребения было ритуально очищено с помощью разжигания огня, который с древнейших времен у большинства народов являлся одним из главных очистительных средств. После этого, по мнению исследователя, умерший был помещен в подобие деревянного саркофага, который был установлен в центральной части могилы. Кроме того, в могиле были обнаружены остатки деревянной конструкции, которая могла быть, по мнению К.В. Сальникова, погребальной колесницей. В то же время в эпоху раннего железного века на данной территории колесницы не встречаются. Помимо этого достаточная массивность конструкции позволяет предположить, что скорее это было что-то типа погребального ложа или саней, на которых располагался умерший.

Тем не менее, все это свидетельствует об очень высоком социальном статусе человека, погребенного в кургане. К сожалению, погребение неоднократно и практически полностью разграблено. Сохранились только фрагменты изделий, наконечник стрелы, фрагменты железных и деревянных изделий.

Царев курган являлся незаурядным памятником. О подобных курганах Р.Г. Игнатьев в одном из выпусков Тобольских губернских ведомостей от 1873 года сообщает, что «по преданию людей значительных хоронили особо, и чем, кажется, выше было земное значение покойника, тем более делали над прахом его насыпь…народное предание, в этом случае, нисколько не ошибается, приписывая большие курганныя насыпи или могилам воинов, убитых в сражении, или же могилам царей, князей и вообще людей знаменитых. Курганы же небольшаго размера были вообще могильными насыпями, и поэтому встречаются наиболее группами, как принадлежности общих кладбищ»[20].

В пользу этой же точки зрения свидетельствуют и особенности погребального обряда. Несмотря на то, что курган почти полностью разграблен, тем не менее, сохранились следы проведенных сложных и очень трудозатратных ритуалов, которые должны были надолго задействовать всю имеющуюся рабочую силу. По мнению исследователей, сооружение насыпи кургана в виде усеченной пирамиды из нарезанных пластов

[20] *Игнатьев Р.Г. Там же*

дерна растянулось на несколько лет. В процессе сооружения насыпи совершались жертвоприношения, поминки, тризны. Значительные даже на момент раскопок размеры (высота 5,5 метров при диаметре 92 метра), сложный погребальный обряд (сооружение из надмогильных конструкций, настилов, перекрытий, нар, возможно использование погребального ложа в процессе погребения, разжигание очищающего костра в могиле перед погребением) свидетельствуют о том, что в кургане был захоронен очень значимый для древнего коллектива человек, возможно, племенной вождь, «царь».

На данный момент археологические данные, точнее их полное отсутствие, не позволяют нам обсуждать вопрос о том, как использовались эти места в эпоху средневековья. Вещи этого времени представлены только довольно специфическими железными удилами с кольцами, которые были также найдены в 2015 году. Подобные предметы появляются в X веке и довольно долго (вплоть до XVII-XVIII вв.) будут использоваться наездниками. Несколько более интересную информацию дают нам исторические источники. И.П. Фальк писал, видимо, со слов местных жителей, что Тимофей Невежин построил крепость на развалинах татарского города, последние жители которого были истреблены Кучумом незадолго до его изгнания[21]. Несмотря на то, что мы не можем подтвердить или опровергнуть этот рассказ, следует признать, что контекст развития Тюменского и Сибирского ханств династии Шибанидов в XV-XVI вв. однозначно делал Среднее Притоболье частью политического пространства этих государств. При этом в предшествующие два столетия оно было в составе Монгольской империи и Золотой Орды. Другое дело, что большая часть местного населения в эти века вели кочевой образ жизни, что делает задачу выявления их памятников практически неразрешимой. Кроме того, имеющиеся косвенные документы позволяют говорить, что в последней четверти XVI века здесь могли быть кочевья сибирского хана Кучума, что ставило эти земли вне систем хозяйственного использования рядовыми тюркскими кочевниками. Уже после начала русского освоения Юго-Западной Сибири и на протяжении всей первой половины XVII века по Тоболу в местах расположения боров (карагаев), в частности в землях богатого и обширного Илецкого бора (Илет Карагая) между Миассом и Тоболом, а также на

[21] *Фальк И. П. Записки Путешествия академика Фалька // Полное собрание учёных путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею наук по предложению её Президента (с примечаниями, изъяснениями и дополнениями). Санкт-Петербург, 1824. Т.6. С.351-352.*

озерах и урочищах к востоку от Тобола были расположены зверовья таких местных групп, как табынцы, катайцы, терсяки, кинырцы, башкурцы и иных групп ясачных татар. Остатки Илет Карагая, когда-то бывшего важнейшим пушным ресурсом региона, сейчас известны как Илецко-Иковский бор.

Царев Курган в понимании русских XVII века: крепость или могила?

Таким образом, места, где Тимофей Невежин срубит крепость слободы Царево Городище, длительное время использовались различными группами сибирского населения и давали большие возможности для хозяйственного освоения. При этом колоссальный размер самого кургана делал его значимым и привлекательным пунктом на территории Притоболья для последующих переселенцев. Даже после сноса его вершины высота кургана может быть приравнена к современному 6-этажному дому, что давало с учетом самого Арбинского яра великолепную возможность для наблюдения за всеми окрестностями на несколько десятков километров. Возникает вопрос: встречается ли название «Царев курган» или схожее с ним в документах, непосредственно предваряющих появление в этих местах самого слободчика, который явно должен был заранее знать о том месте, где он будет строить крепость?

Если учесть то, что часть упоминаний этого названия связана с каким-то пунктом на Исети, а не на Тоболе, то, по сути, оно встречается лишь в одном известном нам документе. Это отписка из Катайского острога Ильи Бакшеева верхотурскому воеводе стольнику Ивану Камынину о прибытии из плена семей татар и башкир от сентября 1661 года. В ней об их пути говорится: «…а Тобол де мы переехали выше Царева городища с теми же Кучюмовыми внучаты…»[22]. На данный момент это самое раннее упоминание данного названия в русских источниках, причем в документе верно указано, что в начале 1660-х гг. здесь находились кочевья внуков сибирского хана Кучума, в том числе известного лидера местных тюркских племен султана Кучука. Как бы то ни было, указание на переезд «выше Царева городище» явно говорит о том, что для русских администраторов оно было вполне понятно и известно.

[22] *Миллер Г. Ф. История Сибири.Москва : Восточная литература РАН, 2000. Т. II. С. 635*

Спустя почти 20 лет после этого в переписи, проведенной Л.М. Поскочиным в 1681-1683 гг., говорится: «И во 187-м году велено ему на Цареве Городище строить слободу». Обратим внимание, что в «указной памяти» тобольского воеводы М.Я. Черкасского также указывается «… в слободу на Цареве Городище…». В недавно обнаруженном Г.Х. Самигуловым документе о подтверждении в 7193 (1684/5) году ранее выделенных (в 7186 году (1677/8)) угодий ичкинским татарам по Тоболу в качестве одной из опорных точек указывается Царев Курган. Эти документы ссылались на всем известное в то время место, которые было важным географическим ориентиром в разведочных и торговых маршрутах по Тоболу. При этом последний документ показывает на изначальную возможность подмены понятий «городище» и «курган» в русской делопроизводственной документации по отношению к названию слободы, как это будет встречаться и позднее. Название местности переходит затем на наименование собственно русской слободы как в документах 1680-1690-х гг., так и чертежах С.У. Ремезова.

Большинство исследователей исходят из современного понимания этих терминов, где первый обозначает остатки города, а второй – рукотворную насыпь, под которой находится захоронение. Однако необходимо учитывать, что понимание данных терминов в интересующее нас время могло быть иным. Известный этнограф XIX века Д.Н. Анучин отмечает, что в русской традиции словом «городище» обозначаются места бывших городов, укреплений, замков, святилищ, окруженные защищающими их валами и рвами. Часто в отношении этих сооружений имелись легенды о запрятанных кладах. При этом в Тобольской губернии большинство из них связывалось с Кучумом или Ермаком. Близко к этому толкование данного слова у В. Даля: «остатки развалин города, селения или укрепления, земляных или каменных работ жилья». Таким образом, для выделения городища важнейшим фактором было наличие укреплений в виде валов и рвов. Эта оговорка принципиально важна, поскольку вокруг Царева кургана как погребального комплекса также фиксировались значительные укрепления. В связи с этим возникает вопрос: понимали ли составители отписки или переписи, а также в целом русские люди XVII-XVIII вв. понятие «городище» именно в контексте остатков укрепленного центра, или же это оно было для них более многозначным? Что для них означало прилагательное «царево»? Только ли принадлежащее царю (например, сибирскому хану Кучума) или разговорное устаревшее выражение «нечто выдающиеся среди других по-

добных»? В известном этимологическом словаре Макса Фасмера по отношению к слову «курган» также приводится два его толкования: древнерусское «могильный холм» и «крепость». Предполагается, что последнее понятие могло быть заимствовано, вероятно, из др.-тюрк. kur‘an – «крепость». С учетом уровня развития археологических знаний, наличия вокруг Царева кургана значительных по размеру рвов и валов, а также высоты погребального холма он мог реально рассматриваться как остатки крепости, при этом с учетом исторических знаний того времени он вполне адекватно связывался с ханом Кучумом. Таким образом, в понимании того времени «курган» был не столько погребальной насыпью, сколько остатками крепости.

Спор о характере насыпи Царева кургана велся еще с 1770-х гг. В конце апреля 1771 года Царев курган был описан П.С. Палласом, побывавшим в Курганской слободе: «сим именем называют чрезвычайной величины людьми насыпанный курган, о коем никакого не осталось предания, и не известно воздвигнуто ли оной древними обитателями сея страны, как памятник какого-то важного происшествия или как гробница покрывающая тело какой ни есть знатной особы»[23]. Уровень образования П.С. Палласа позволил ему довольно верно определить характер этого сооружения. Однако в краеведческих работах М.Н. Баккаревича, К.Н. Сосунова (Солунова) в первой четверти XIX века уверенно доминирует точка зрения о том, что это была одна из старинных крепостей. Даже ссыльные декабристы А.Е. Розен и И. Завалишин допускали, что курган мог быть сторожевой насыпью или на нем могли быть построены укрепления. Версия о крепости оказала свое влияние и на Р.Г. Игнатьева и даже попала в статью о Кургане авторитетной энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

Скорее всего, известные нам документы и поздние легенды в качестве татарской крепости называют именно погребальный комплекс раннего железного века «Царев курган». В этом отношении легенды о татарском прошлом позволяют нам воссоздать часть исторического сознания как элемент менталитета курганских обывателей русского происхождения, призванного объяснить функции и сущность того объекта, в честь которого было дано название слободе, а затем и городу. Такая легенда о дорусском происхождении какого-либо объекта в Западной Сибири на самом деле не единична. Еще Г.Ф. Миллер упоминал о боль-

[23] *Паллас П. С. Путешествие по разным частям Российского государства. Часть II. Кн. 2. Санкт-Петербург, 1786. С.58-59.*

шом бугре, насыпанном, по его мнению, людьми и расположенном на изгибе Иртыша недалеко от впадения Вагая. Размеры этого бугра были 10 саженей в высоту (около 21 метра), а наверху была ровная площадка диаметром (в поперечнике) около 30 саженей (около 64 метров). «Тамошние русские называют его Царевым городищем, вероятно, из-за его величины, так как, по их мнению, такую большую работу мог произвести только могущественный царь или хан, имевший, должно быть, на этом бугре свое жилище. Татары же рассказывают, что бугор этот насыпан девушками, которые наносили сюда землю в своих подолах. Они называют его поэтому Кысым-Тура, т.е. Девичьим городом или городком, из чего явствует, что, по их мнению, в древности на этом бугре было чье-то жилище»[24]. Эта легенда показывает, что у первых русских поселенцев Западной Сибири для объяснения окружающих их объектов и их вписывания в освоенное «свое» пространство существовал схожий способ, в том числе через поиск их связи с жившими ранее царями или ханами, которые верно интерпретировались как татарские. В реальности сомнительно, чтобы холм такого размера, как описал Г.Ф. Миллер, мог быть насыпан вручную, поскольку его размеры превышают даже самые крупные из скифских царских курганов.

Только позднейшее развитие археологической науки в России и увеличение знаний об аналогичных царских курганов скифов Причерноморья в конце XIX века сделало очевидным то, что курган, давший название нашему городу, был тоже погребальным сооружением. При этом с позиции регионального брендирования и локального патриотическом воспитании не стоит просто так отмахиваться от представлений наших предков. Слобода Царево Городище действительно была пограничной русской «царевой крепостью» на протяжении первых 70 лет своего развития.

Крепость слободы и ее изменения

В связи с этим не менее важными являются вопросы о том, где была расположена крепость слободы Царево Городище и как она выглядела. Традиционно считается, что слобода была перенесена на новое место с Арбинского яра в 1695 г., но в любом случае не позднее конца XVII века. Исследованный при написании книги, посвященной слободскому этапу нашего города, материал чертежей С.У. Ремезова и его сыновей убеждает, что ситуация была гораздо сложнее. Впервые

[24] *Миллер Г. Ф. История Сибири. Москва : Восточная литература РАН, 2005. Т. I. С. 251*

разделение слободы на две части встречается еще на чертеже 1684 г., двойное название «Царево городище» и «Царекурганское» имеется на чертеже начала осени 1697 г., а возможный перенос на новое место – на чертеже, для которого собирали материал осенью 1697 и весной 1698 года. В 1697-8 г. вокруг слободы, в том числе на другом берегу реки, уже указаны многочисленные деревни (Чернакова, Смолина, Курганская, Черемхово, Крестова и другие) (рисунок 4). При этом на чертеже 1700 г. слобода вновь указана на старом месте. Таким образом, очевидно, что перенос слободы или уход части слободского населения ниже по течению мог происходить неоднократно, особенно в условиях временного спада казахских набегов на Притоболье между 1695-1699 гг. Однако с 1700 г. эти набеги вновь становятся не просто ежегодными, а, по сути, ежемесячными. При этом крепость должна была защищать население не только самой слободы, но и многочисленных относящихся к ней деревень. В рассматриваемом случае становится очевидным, что крепость и значительная часть ее жителей оставались привязанными к старому укреплению.

Таким образом, значительную часть своего времени в качестве военного центра русского освоения Притоболья крепость должна была располагаться на Арбинском яру, между Тоболом и озером, которое в источниках называется Курганской курьей (озеро Сухое, озеро, черное займище иных источников). Обратим внимание, что именно на это место указывал полковник Д. Мейн, который по приказу Петра I лично объезжал слободы по Исети и Тоболу для выявления их боеготовности: «Стоит оная над Тоболом в крепком месте вниз едучи на левом берегу. В той слободе пристойно быть городу и драгунским ротам»[25].

Источники не дают нам информации для того, чтобы обсуждать изначальные укрепления слободы. В.Д. Пузанов предположил, что первые подобные строения были разрушены к началу 1690-х гг. в период натиска казахов, когда в 1692 г. даже была перебита полусотня слободы. По его данным, в том же 1692 году в слободе был отстроен «город кремль рубленой в клетки под крышкою» с проезжими воротами под башней высотой 2 сажени 8 вершков (около 4,6 м). В северной стене были ворота, прикрытые бастионом, которые вели в некий «новый город» «лежачей, рубленый в углы» с проезжей каланчой (то есть башней для дозорных) и воротами. От Тобола до «Тоболной Курьи» допол-

[25] *Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья : в 2 т. Т.2. Текст рукописи, комментарии Е. Дергачевой-Скоп и В. Алексеева. Тобольск : ОБФ «Возрождение Тобольска», 2006. Л.43.*

Рисунок 4 – Ремезов С.У. Чертеж р.Тобол из «Хорографической книги Сибири». 1697-1698 гг.

нительно шел также ров с надолбами и рогатками в 170 сажен (около 350 м). Структура рубленого кремля достаточно традиционна, он состоял из отдельных «клеток», то есть двух рядов рубленых стен на расстоянии до 4 м друг от друга и перекрытых сверху крышками. Эти стены внутри могли как заполняться внутри, так и использоваться как хозяйственные помещения, места для жилья или внутренние коридоры. При этом крепость явно состояла из двух разнородных в плане фортификации частей, подобно Окуневской слободе. Насколько можно понять по этому описанию, ворота «кремля» под башней были расположены в северной стене и прикрыты бастионом. Пройдя через них, можно было попасть в «новый город», построенный по другому принципу. Рискнем предположить, что надолбы и рогатки прикрывали обе части крепости с юга, именно между озером и рекой.

Дело в том, что через слободу проходил торговый путь, который вел по высокому берегу Тобола из степей в русские слободы (рисунок 5), причем на чертеже 1700 г. видно, что он пересекался с другим путем. Он шел с юга напрямую через степи и выходил к слободе именно между рекой и озером, где, видимо, был брод через Тобол. На чертежах до 1697 г. видно, что озеро было частью старого русла Тобола, а затем обмелело, что и открыло слободские укрепления (рисунок 6). В этом отношении интересны «Распросные речи возвратившихся из Казачьей Орды тобольского казака Федора Скибина с товарищами в Тобольской приказной избе о путях в Среднюю Азию» 1697 года. Приведу выдержку части текста, поскольку она отражает значительное число населенных пунктов и, видимо, существующий торговый путь, идущий через них: «Да от Тобольска же де по допросам слободских жителей многих ведомцев и бывальцев пристойная де дорога вешнего пути в Казачью Орду слободами вверх по Тоболу реке, через многия речки, Тобольским уездом до Торханского острогу 100 верст, от Торханскаго острога до Ялтуровской слободы 30 верст, от Ялтуровской до Суерской слободы 30 верст, от Суерской до Усть-Суерской 20 верст, от Усть-Суерской до Белозерской 25 верст, от Белозерской до Иковской 15 верст, от Иковской до Царева-Городища 20 верст, с Городища до Утяцкой 20 верст, от Утяцкой до Камыцкой 40 верст. И от тех верхних тобольских слобод с Царева Городища и из Утяцкой и Камыцкой через степь до Ишима ходу приходною ордынскою дорогою 5 дней и степь ровная, гор нет, людям и скоту кормно»[26]. По всей видимости, можно согласиться с

[26] *Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ленинград : Изд-во*

Рисунок 5 – Ремезов С.У. Фрагмент чертежа всей Казачьей Орды и Бухарии. 1697 г.

Рисунок 6 – Ремезов С.У. Чертеж Тобольского Верхотурского уездов. 1697 г..

С.В. Бахрушиным в том, что указанный путь сформировался еще до «Ермакова взятия», возможно, он повторял так называемый торговый ордынский или калмыкский путь от Чинги-Туры до Бухары.

Видимо, по приказу Д.Я. Мейна укрепления были частично достроены в 1701 г., когда в слободе были размещены две роты Сибирского полка. По данным А.Д. Кузьмина и П.В. Варлакова, в 1702 году «в той слободе острог рубленый лежачей мерою 125 сажен. В том остроге 2 башни проезжие по 5 (6?) сажен, 2 выхода земляные на Тобол реку и на озеро мерою по 30 сажен. Около того острогу и посаду от озера до горы рву мерою 390 сажен. Глубина рву 2 сажени, ширина тож. Подле тот ров вал земляной. Вышина сажень (и надолбы и рогатки). И надолбы и рогатки от горы до Тоболу реки рогаток 30 сажен. Около подгорного посаду от Тобола и до озера надолб 80 сажен…» (рисунок 7).

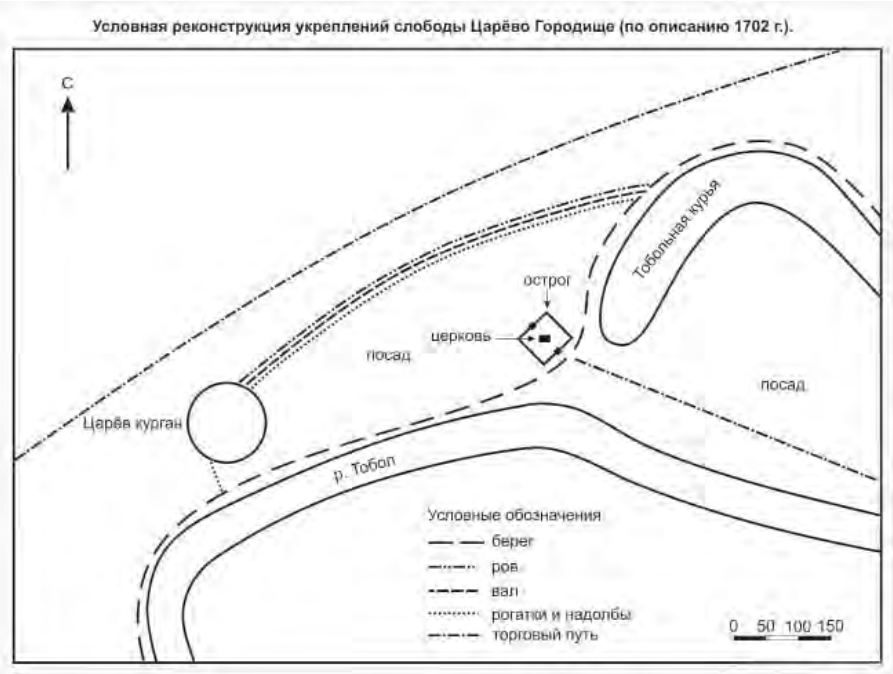

Рисунок 7 – Условная реконструкция укреплений слободы Царево Городище по описанию 1702 г. (автор – М.С. Петров)

АН СССР, 1932. Ч.1. С.263-264

Таким образом, центром слободы была крепость, защищенная так называемым «лежачим» острогом. Он был аналогичен «новому городу» 1692 г., то есть вполне возможно, что Д. Мейн не отстраивал всю крепость, а частично использовал стены предшествующего укрепления. При сооружении такой стены бревна ложились горизонтально в «заплот» (заводились в пазы вертикальных столбов), общая длина стены была более 260 м. При этом форма крепости неизвестна, но, скорее всего, она была четырехугольной. По данным Н.П. Крадина: «Деревянные рубленные стены имели деревянную двускатную крышу, стропильная конструкция которой держалась на внешней стене и на столбах с внутренней стороны города. Столбы опирались на выпуски верхних бревен поперечных стенок–перерубов». В остроге уже было 2 башни с проезжими воротами высотой более 10 м каждая (по всей видимости, они вели примерно на север и на юг). Вокруг крепости был расположен большой посад, который мы видим и на чертеже 1700 г. Посад был капитально укреплен между Тоболом и озером, то есть с северной, наиболее открытой стороны, рвом длиной почти 840 м, глубиной и шириной более 4 м. Рядом со рвом был вал более 2 м высотой. Кроме того, вдоль него дополнительно были построены надолбы и рогатки. Под первыми имелись в виду короткие тупые бревна, расположенные рядами, примерно на метр торчащие из земли и наклоненные в сторону противника. Под вторыми – легкие переносные укрепления, состоящие из продольного бруса, в который врубались поперечные крестовины из заостренных кольев. Значительный по размерам царский курган («гора») был вписан в линию посадских укреплений. Сама вершина кургана могла быть использована в качестве дополнительного караульного пункта. От этого кургана до реки также шли надолбы и рогатки (длина около 65 м). С учетом расстояния между ними и возможностями переноса рогаток именно здесь располагался наиболее очевидный вход на территорию посада. С юга между озером и рекой так же, как в 1692 г., были построены надолбы общей протяженностью почти 170 м. Как мы можем увидеть, имеются значительные сходства между частью укреплений и их расположением в 1692 и 1702 гг., хотя значительное увеличение посада потребовало отдельного укрепления всей его площади. Обращает на себя внимание и достаточно уникальное указание на два подземных хода примерно по 60 метров, которые вели к реке и озеру. Его важность, во-первых, заключается в самом наличии ходов, во-вторых, в том, что длина этих ходов показывает расположение крепости не на самом бе-

регу. Исходя из последнего, ясно, что его обвал не мог напрямую угрожать укреплениям и стать причиной переселения (рисунок 8).

Рисунок 8 – Карандашный рисунок «Вид слободы в 1702 году с высоты птичьего полета» (автор – Ю.Е.Чечулина)

Именно географические ориентиры (указание на курган (гору) и озеро) убеждают в размещении крепости как в 1692 г., так и в 1702 г. на старом месте, на Арбинском яру. Остатки этих укреплений сохранялись еще в 1749 году у деревни Курганской: «… от оной Курганской деревни например расстоянием близ полуверсты город лежачий в столбах от Тобола реки до черного займища, поперек того городу состоит на полверсты»[27]. На тот момент от укреплений сохранился, видимо, и сам острог, и часть надолбов. По мнению Г.Х. Самигулова, деревянные укрепления без обновления могли простоять от 15 до 20 лет, то есть крепость сохраняла свое значение до 1720-х г.

[27] *ГАОО (Государственный архив Омской области). Ф.1 Дивизионная канцелярия командующего войсками Сибирской дивизии и линиями Военной коллегии. Д.21. Л.101-101об.*

На данный момент можно предположить, что в условиях продолжающихся казахских набегов перенос слободы в 1697 г. на новое место при сохранении крепости на значительном удалении, на Алгинском (Арбинском) яру, видимо, был временным и по неизвестным нам причинам неудачным. Лишь позднее (дата 1729 г. устанавливается только по данным капитана Сибирского полка слободских драгун Мякинина, ее происхождение абсолютно не ясно) слобода была перенесена на новое место. Причины могли быть абсолютно иными. В частности высокий берег Арбинского яра в целом удобный для обороны может при длительной осаде вызвать проблему обеспечения водой гарнизона крепости. Кроме того, снабжение крепости продуктами требовало удобной переправы рядом, которой в районе Арбинского яра также не было. Эта же переправа необходима была и для преследования кочевников, и для «обережения» деревень на южном берегу Тобола. На большинстве чертежей дорога к слободе идет только по северному берегу, а переправы расположены далеко. Лишь на одном чертеже С.У. Ремезова в районе крепости у Курганской курьи появляется дорога с бродом через Тобол, однако ее точное расположение установить пока невозможно.

Отчасти поздняя дата переноса слободы подтверждается и нумизматическим материалом. На данный момент самые ранние монеты, полученные из городских раскопов на ул. Климова (Береговая) и ул. 1-я Заводская (на углу с Куйбышева, то есть Троицой), относятся к концу правления Анны Иоанновны (1739 г.) и началу правления Елизаветы Петровны. К этому времени слобода уже однозначно была на современном месте. На «Ландкарте рекам…», которая составлена геодезистом Иваном Шишковым в августе 1735 г., видно, что слобода Царево Городище находится напротив деревни Смолино. Вверх по течению от слободы расположены д. Царекурганская, Арбинская и Черемухово. Н.А. Абрамов писал о том, что слобода в 1736 г. пострадала от разлития р.Тобол, что вполне объяснимо с учетом нового расположения на более низком месте.

ГЛАВА 4. СОСТАВ ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЕВ СЛОБОДЫ

Кто были первые жители слободы Царево Городище? Откуда они пришли и чем занимались? Это интересно не только историкам, но и современным жителям Кургана. Еще один актуальный вопрос: есть ли среди нас потомки тех первых поселенцев, которые вместе с Тимофеем Невежиным основали слободу? Ответить на эти вопросы помогут подворные переписи конца XVII – начала XVIII века.

Долгое время материалы сибирских переписей были известны узкому кругу ученых, которые владели навыками чтения неразборчивых текстов, написанных полууставом, а также умели переводить на современное летоисчисление буквенное написание цифр, означающее годы «от сотворения мира». В наши дни тексты переписей, благодаря исследованиям генеалогов-энтузиастов и переводу на современный язык, стали доступны широкому кругу людей, интересующихся историей своего края, историей своих семей.

Каждая перепись населения оставляет о себе память, обрастает легендами, связанными с личностями самих переписчиков. Четыре переписи слободы Царево Городище получили название по имени самих переписчиков – Льва Поскочина, Ивана Спешнева, Василия Турского, Леонтия Парфеньева (Парфентьева). Они проводились с 1682 (1683) по 1720 гг. в связи с введением подворного налогообложения, в дальнейшем с заменой его на подушное, то есть с целью выявления, в первую очередь, тяглового населения.

Работа переписчиков начиналась с того, что, приехав в поселение, они должны были объявить государев указ о проведении переписи, обязать местных приказчиков, слободчиков и старост приносить им сказки. Сказками в те времена называли записи устных показаний, объяснений должностных лиц или свидетелей дела при проведении розыска. В нашем случае это показания представителей местной администрации о численности крестьян, служилых и посадских людей. По сказкам и собственным наблюдениям переписчики фиксировали поименно жителей слобод, острогов и посадов, определяли размер налогообложения.

В исследованиях слободы Царева Городища перепись стольника Льва Поскочина была введена в научный оборот не так давно. В настоящий момент она является самым ранним документом, содержащим сведения о численности и составе населения Царева Городища (Царекурганской) и деревни Курганской, административно подчиняв-

шейся слободе[28]. Лев Миронович Поскочин вошёл в историю как переписчик шести уральских и сибирских уездов, автор дозорных книг Верхотурского и Тюменского уездов. Перепись Поскочина проводилась спустя четыре года после основания Царева Городища в 1682 (1683) г. Она учитывала только мужское население – служилых и тяглых людей, а также их сыновей и братьев.

Близкой по содержанию является переписная книга 1689 г., датированная по времени пребывания в Тобольске письменного головы Ивана Денисовича Спешнева[29]. Это документ, как и перепись Поскочина, тоже долгое время был неизвестен. Сравнивая сведения этих двух переписей 1680-х годов, можно выявить разночтения данных о жителях Царева Городища.

Пожалуй, самым известным источником о раннем периоде слободы еще с советских времен является перепись 1710 г. «дворянина по выбору» Василия Савина Турского[30]. В ней впервые была сделана попытка учесть не только податное, но и всё население, включая женщин и инородцев. Как известно, Пётр I был недоволен результатами этой переписи, так как она по сравнению с 1678 г. показала существенное сокращение дворов в целом по России. Любопытно, что в слободе Царёво Городище, наоборот, результаты были другими: по переписи В. Турского произошло увеличение дворов.

Перепись старшего полковника Леонтия Иванова сына Парфеньева (Парфентьева)[31] датируется 1720 г. Заметим, что сам Парфеньев проживал в самой слободе, о чём была сделана соответствующая запись в документе. Эта перепись отразила переход к подушной системе налогообложения, в связи с этим учитывала только мужское население, включая инородцев, которое, собственно, и облагалось налогом. Леонтий Парфеньев – личность легендарная, оставившая заметный след в истории заселения Южного Зауралья.

Период проведения перечисленных переписей в истории Южного Зауралья характеризуется активными колонизационными процессами, появлением первых русских поселений, распространением православия, формированием государственных структур на недавно освоенных

[28] *РГАДА. Ф.214. Оп.5. Д.241. ЛЛ. 1594-1604.*
[29] *РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.6894. ЛЛ. 26-38*
[30] *РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.1526. ЛЛ. 186-226 об.*
[31] *РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.1617. ЛЛ. 1121-1139 об*

территориях. Конкретно для Царёва Городища – это начальный этап существования его в качестве форпоста русской колонизации на юге Западной Сибири, одного из стратегических населённых пунктов, и одновременно становления слободы как важной экономической единицы в земледельческом освоении края.

Переписи рассказывают, казалось бы, о рядовых жителях, их социальных связях, положении в обществе, но именно они являлись свидетелями эпохальных событий, именно их трудами происходило освоение Сибири.

Кто были первопоселенцы?

В наши дни те далекие времена обросли легендами и преданиями. Для современного обывателя первопоселенцы Царева Городища предстают в образе неких русских богатырей, мужественных и отважных воинов, смело противостоявших как природным стихиям, так и кочевому миру степей Южного Зауралья. А сама земля, на которую они пришли, рисуется в воображении наших современников нетронутым первозданным краем, богатым плодородной землей и полезными ископаемыми, разнообразной живностью и растительностью. Необъятные просторы Сибири манили русских людей своим природным изобилием, вселяли в них надежду на будущую жизнь здесь в достатке и богатстве. По описаниям историка XIX в. Николая Абрамова, тприродный ландшафт места, где располагалась слобода, в те времена поражал своей красотой: «По правой стороне Тобола в таловых кустах росли во множестве смородина и ежевика. Сенокосных лугов повсюду изобильно. Там ароматы растений, подымающиеся с долин и увалов, наполняли воздух приятным запахом. Там живописно раскидывались приятнейшие для взора разноколерные цветы. Там были травы, употреблявшиеся в лекарства. Там пение утренних и вечерних птичек восхищало слух любителя природы. Там земля щедро награждала труды земледельца»[32]. Однако первым жителям слободы еще предстояло взять все самое лучшее у природы и отвоевать свое право на место под солнцем у кочевников.

Вместе с Тимофеем Невежиным на просторы Западной Сибири пришли служилые люди – беломестные казаки, которые несли военную службу, защищая границы России от набегов кочевников, основывали укрепленные остроги, строили православные церкви. Эти люди, поми-

[32] *Абрамов Н. Слобода Царево Городище с окрестностями до переименования её городом Курганом // Тобольские губернские ведомости. 1860. № 6. 13 февраля.*

мо военных обязанностей, выполняли различные административные задания, были полицейскими, дипломатами, сборщиками податей, собирали различную информацию топографического характера.

Вместе с ними в поисках лучшей доли шли тяглые люди – крестьяне и бобыли. Их деятельность способствовала хозяйственному освоению края: они распахивали нетронутые земли, заводили скот и огороды, охотились, ловили рыбу, бортничали. С приходом крестьян появилась возможность производить местные продукты, меньше стала зависимость от привоза товаров и хлеба извне. Развитие хлебопашества создало объективные предпосылки для устойчивого закрепления здесь русского населения.

Пограничное положение слободы требовало усиления ее военного потенциала, поэтому значительный приток беломестных казаков в Царево Городище наблюдался в первые пять лет её существования. Для крестьян слобода становится привлекательным местом жительства спустя три года после основания. До 1680 (1681) г. в слободе проживали только три семьи оброчных крестьян. В дальнейшем увеличение населения самой слободы происходило в основном за счет служилых людей. При этом тяглые крестьяне заселяли новые деревни, которые находились в административном подчинении слободы.

Определить имена основателей слободы не просто, так как переписи Поскочина и Спешнева содержат противоречивые данные. Устроителями нового поселения (то есть теми, кто пришёл в год основания слободы 1679 г.), по переписи Поскочина, были слободчик Тимошка Онисимов, кузнец-бронник Ивашко Леонтьев сын Половников и семь беломестных казаков: Онтонка Федоров сын Кропивин, Ондрюшка Терентьев сын Баскаков, Мишка Родионов сын Хромой, Ганка Микитин сын Кайгародов, Микишка Леонтьев сын Седов, Гришка Васильев сын Байбарин, Васька Варламов сын Черепанов. Служилые люди происходили из разных мест: Тобольского, Важского, Верхотурского, Устюжского уездов, Тюмени, Казани, Соли Камской, Кайгородки. Их социальная принадлежность тоже различна: они были выходцами из крестьян, посадских людей, стрельцов, казаков.

Спустя шесть лет Гришка Борболин (Байбарин), Ивашка Половников и Васка Черепан показали новому переписчику Спешневу, что они пришли в слободу позднее, а не в год основания слободы. А Демка Упоров, наоборот, сказался, что пришел в Царево Городище в год его основания. Интересно подчеркнуть, что беломестный казак Васка

Черепан был из тех, кто частенько менял свои показания. Кроме того, что он изменил дату прихода, он также изменил название места, откуда пришёл: у Поскочина он из Верхотурья, у Спешнева – из «Кунгура города». Зато при сравнении переписей подтвердилось происхождение и дата прихода в Царева Городища Микишки Седова и Мишки Хромого.

Что стало к 1689 г. с тремя беломестными казаками, о которых пишет Поскочин, Онтонкой Кропивиным, Ондрюшкой Баскаковым и Ганкой Кайгародовом источники умалчивают. Ушли в другие слободы? Погибли от болезней или в бою? Нам остается только выдвигать версии и гипотезы.

Откуда пришли первопоселенцы?

Один из первых вопросов, традиционно интересующих историков и краеведов, это вопрос территориального происхождения первопоселенцев. Выяснить эти данные позволяют переписи Поскочина и Спешнева.

Территориальное происхождение большинства первопоселенцев, записанных Поскочиным, связано с достаточно удалёнными от слободы уездами: Поморьем, Северным Приуральем, Поволжьем. Они составляют две трети дворохозяев. Эта же картина вырисовывается в переписи Спешнева: 41 из 77 дворохозяев или больше половины также пришли из названных территорий. Местами выхода подавляющего большинства оброчных крестьян и меньшей части служилых людей согласно обеим переписям были Устюжский уезд, Вятка, Соль Камская, Соль Вычегодская и др. То есть тяглые люди шли издалека, а служилое население – преимущественно из Верхотурского, Кунгурского, Тобольского, Тюменского и других соседних уездов.

Данные переписи подтверждают классическую схему заселения Сибири, согласно которой в последней четверти XVII в. наряду с внешним притоком переселенцев в Сибирь в основном из Поморья имела место миграция населения внутри урало-сибирского региона. Конкретизировать процесс заселения Сибири можно на примере миграции кузнеца Ивашки Леонтьева сына Половникова. Он родился в Соли Камской (Северное Приуралье), в Сибири первоначально жил в Далматовском монастыре (Урал) за вклад, в слободе Царево Городище (Западная Сибирь) значился с момента первого года ее существования – 1679 г.

Чем занимались первопоселенцы до прихода в слободу?

Этот вопрос связан с социальным происхождением переселенцев. Среди них преобладали выходцы из крестьян – государственных, частновладельческих и монастырских. Ответ переписчику «За Великим Государем во крестьянах» являлся самым распространенным указанием на социальное происхождение.

Пятая часть первых жителей Царева Городища происходила из военного сословия. «Из конных казаков», «из драгун», «казачий сын», «из стрельцов», «солдатский сын» – так они говорили о себе переписчикам Поскочину и Спешневу.

Вместе с тем указания на социальное происхождение в переписях нельзя считать абсолютно точными. При сравнении данных Поскочина и Спешнева было выявлено 9 случаев расхождений из 28 возможных (именно 28 человек упоминает Спешнев из всех тех, кто был записан и в переписи Поскочина). Например, Петрушка Иноземец первоначально сказался из крестьян, затем назвался посадским сыном; Микишка Седов – стрелецким сыном, позднее посадским; Левка Сапожников, соответственно – казачим сыном и крестьянином «за Великим Государем». Причины подобных несовпадений ещё предстоит выяснить, но можно предположить, что в новых обстоятельствах происхождение не имело решающего значения. При этом только 19 жителей из вышеупомянутых 28 человек повторили своё социальное происхождение.

Территориальное и социальное происхождения жителей слободы, безусловно, зависимы друг от друга. Выходцы из урало-сибирского региона, как правило, имели отношение к государевой службе, их отцы или они сами ранее были поверстаны в конные казаки, драгуны. Поэтому часть беломестных казаков – это уральцы и сибиряки во втором поколении, имеющие опыт государевой службы, то есть более адаптированные к местным условиям жизни. Тогда как тяглому населению слободы присуще явное доминирование крестьянского происхождения и территориальной принадлежности в прошлом к северным и центральным уездам России.

Как слобода прирастала деревнями?

Переписчики фиксировали население не только непосредственно в слободе Царёво Городище, но и в деревнях, находящихся в её административном подчинении. Если Поскочин даёт данные только о деревне Курганской, то Спешнев сообщает уже о семи крестьянских поселениях

(Курганская на р. Тобол, Черемухина на р. Тобол, Утяцкая, Кунгурская, Верняя Утяцкая, Нижняя Утяцкая на р. Тобол, Волосникова на р. Тобол). Среди них есть такие, о которых на сегодняшний момент нет сведений в опубликованных источниках: это деревни Кунгурская и Волосникова.

Через два десятка лет число деревень удвоилось: Турский перечисляет 15 поселений в ведении Царева Городища (Курганская, Черемховская, Утяцкая, Кетова, Лебеткина, Арбинская, Смолина, Комарских, Подволошная, Челнокова, Белоярская, Онтонова, Чеусова, Киселева, Воронова). Некоторые из названых деревень просуществовали короткое время и вскоре были заброшены. Зато такие названия, как Челноково, Смолино, Чаусово (Малое и Большое), Арбинка, Вороновка, хорошо известны каждому современному жителю Кургана.

Рост деревень свидетельствует о хозяйственном освоении края и увеличении местного населения. В погоне за удобными пашнями и выгонами крестьяне на свой страх и риск уходили все дальше от стен острога, основывая деревни. Почти за 40 лет с 1682 (1683) по 1720 гг. численность мужского населения слободы увеличилась в четыре раза, а количество дворов слободы – в три раза. Если учитывать население слободы с деревнями, то за 30 лет (с 1682 по 1710 гг.) численность мужского населения увеличилась в восемь раз, количество дворов – в пять раз.

По переписи Поскочина в самой слободе значилось 40 дворов, из них 22 служилых людей и 18 крестьянских. Через 6-7 лет количество дворов сократилось до 29, из которых 27 принадлежало служилым людям, 1 – духовенству, 1 – бронному мастеру, и не было ни ни одного крестьянского. Однако в близлежащих деревнях, наоборот, наблюдался существенный рост земледельческого населения. Такие изменения в количестве тяглового населения объясняются последовательностью в заселении края: сначала поселенцы приходят в саму слободу, затем основывают деревни поблизости. Крестьяне уходят из слободы, а в слободе остаются служилые люди и духовенство. Поименное сравнение позволяет выявить конкретные семьи, которые переселились. Например, оброчные крестьяне Васка Воронов, Антипка Малевин, Офонка Кетов, Трошка Лебедкин, Герасимка Потемин, Ивсючка Пестерев и другие числились в переписи Поскочина жителями слободы, а у Спешнева они уже жители д. Утятской.

Приведём примеры самых крупных и мелких дворов, данные о которых можно почерпнуть в переписи Турского 1710 г. Так, на дворе пис-

чего дьячка Петра Пушкарева проживало 15 человек, из них 6 человек – собственно его семья, 4 человека – семья подворника (помощника, наёмного человека) Василия Могильникова, 5 человек семьи «гулящего» человека Ивана Иванова (гулящими людьми, как правило, называли выбывших из тягла, то есть не плативших налоги, они занимались наёмным трудом). И всё это один двор, то есть почти как одна большая семья!

Во дворе отставного драгуна Онкудина Нефедова проживало тоже 15 человек: 11 человек семья дворохозяина, включая семью его сына, и семья подворницы Паладии – 4 человека.

Самыми мелкими по численности были дворы из двух человек. Это были бездетные и/или молодые семьи, например, двор Ивана Соловьева, которому было 15, жене – 18 лет, детей на момент переписи у них не было. Другим объяснением малочисленности двора являлся преклонный возраст его обитателей, например, двор крестьянина Еремея Буторина и его жены, каждому было по 70 лет.

Одна слобода без окружавших её деревень не могла существовать и развиваться полноценно. Прошли десятилетия и века, а память о первых деревнях навсегда осталась в топонимах городских окраин и современных поселений.

Как менялся состав населения?

Социальное положение определяло образ жизни человека, уклад его повседневной жизни, в основу которого положены, прежде всего, экономические условия. Первопоселенцы, отвечая на вызовы каждого дня, возможно, мало задумывались о своем обыденном существовании. А вызовов в те неспокойные времена было предостаточно: разгул стихии, пожары, неурожаи, эпидемии, набеги кочевников и многое другое.

Ещё раз отметим, что социальная структура населения рассматриваемой территории состояла из двух больших социальных групп: служилые и тяглые люди. Именно они оставались основными на протяжении сорока лет, охваченных переписями. Со временем внутри служилого сословия выделяется категория отставных военных: отставной драгун, отставной сержант, бывший капитан, беломестный отставной драгун.

Увидеть, как менялся состав населения, можно по переписи В. Турского. По его данным на 1710 г., в слободе преобладало служилое население, доля которого составляла 59%, тогда как доля крестьянского населения вместе с бобылями была 31%.

Если кроме дворохозяев слободы учесть деревни, то картина меняется на противоположную: служилое население – 28,6%, тяглое с бобылями – 67,3%. Обозначенные доли преобладающих социальных категорий показывают особенности жизнедеятельности рассматриваемых территорий – слободы и подчинённых ей деревень, потребности и особенности их социально-экономического развития.

Отдельное место в структуре населения занимает категория бобылей, которые, как известно, являясь земледельческим населением, не несли тягла. В переписи Поскочина зафиксирован 1 бобыль, у Спешнева – ни одного, Турский записывает 5 в слободе и 31 в деревнях. Выделение бобылей в отдельную группу показывает сложность и подвижность социальной структуры российского населения на рубеже XVII – XVIII вв.

Поскольку переписи фиксировали население, прежде всего, с учётом социальной принадлежности, затруднительно выделение лиц, возглавлявших слободу и выполнявших административные функции. Если Поскочин указывает слободчика, то Спешнев нет, хотя благодаря другим источникам мы знаем, что руководил хозяйственной жизнью населения слободской приказчик: в 1686 г. им был Григорий Шарыгин, затем его сменил Петр Спиридонов.

Турский и Парфеньев дают сведения о военной администрации, что объяснимо, учитывая пограничное положение слободы и преимущественно военный характер заселения Южного Зауралья.

Благодаря переписям мы узнаём о разнообразии профессий жителей слободы – воротник, бронный мастер, татарский толмач, трапезник, фискал, писчий дьячок. Косвенно эти данные говорят об административно-хозяйственной деятельности Царева Городища.

Вполне закономерно, что на заселяемых землях появились представители духовного сословия. Спешнев фиксирует в 1689 г. строительство в слободе церкви во имя великомученика Дмитрия Солунского – покровителя Сибири. В это время священником здесь служил Михайло Васильев, помогал ему дьячок Ондрюшка Попов. Прошло два десятилетия, и Василий Турский вновь упоминает прежнего священника – 64-летнего Михайло Васильева. К этому времени причт расширился: кроме дьячка (теперь им уже был Иван (Пономарёв) Онтонов) появились пономарь Парфен Пирошков и трапезник Пётр Леонтьев. Карьера Ивана Онтонова оказалась успешной, через десять лет в следующей переписи он указан как поп местной церкви. Иван Онтонов является основателем династии священнослужителей в нашем крае.

С ростом приходского населения одному священнику отправлять церковные службы становилось всё труднее, поэтому в церковном штате появился второй поп. По переписи Парфеньева им был Пётр Лаврентьев, 40 лет. Церковнослужителями в это время были дьячок Василей Михайлов и сторож Парфен Пирошков.

Штат священно- и церковнослужителей из 3-5 человек был вполне достаточным для удовлетворения религиозных нужд населения слободы и прилегающих деревень, а также для содержания слободской Христорождественской церкви.

Итак, эволюция социальной структуры слободы Царёво Городище проявлялась, прежде всего, в количественном росте служилого населения как основной социальной категории. Концентрация служилого населения в слободе Царево Городище давала возможность правительству распоряжаться немногочисленной военной силой для охраны своих южных рубежей. Еще раз отметим, что повседневная жизнь людей того времени – это постоянное приспособление к внешним обстоятельствам, поиск оптимальных индивидуальных решений, выживание в сложных природных и военных условиях.

Сколько было мужчин, женщин, стариков и детей?

В тот период государство было, прежде всего, было заинтересовано в учёте мужского населения, которое несло тягло и военную службу. Первые мужчины слободы – это боеспособные воины, сильные и здоровые, умеющие справляется с различными трудностями, а также их сыновья и молодые братья, готовые поддержать своих старших наставников.

Структура мужского населения того времени выстраивается детально. Сколько было мальчиков, взрослых мужчин и стариков, ответ даёт перепись Поскочина. Указание возраста родственников дворохозяев (сыновей, пасынков и братьев) в этой переписи позволяет выявить соотношение лиц мужского пола по двум возрастным группам до 15 лет и после 16 лет. Из 124 мужчин, проживающих в слободе на момент переписи Поскочина, 70 человек были детьми (от 0 до 15 лет), остальные 54 были взрослыми мужчинами репродуктивного возраста.

Местом рождения 11 мальчиков в семьях служилых людей стала слобода Царево Городище, другие (21 человек) были привезены в Южное Зауралье малолетними детьми. Например, среди родившихся в Цареве Городище младший сын слободчика Тимошки Анисимова

Овдокимка. Из 38 детей тяглых людей в слободе родилось всего два мальчика. Таким образом, предположительно сл. Царева Городище на 1682 (1683) г. стала родиной, в прямом смысле этого слова, для 13 человек мужского пола. Сколько родилось девочек, переписи не сообщают.

В двух семьях помимо собственных сыновей воспитывалось три пасынка, из них – два в возрасте 10 и 12 лет, один – 18 лет. Еще один поселенец – оброчный крестьянин слободы Царево Городище Васка Воронов имел пасынка, которому оставил десятинную пашню в Нижногородском уезде, а сам отправился на новое место жительства.

Поскольку практика налогообложения в рассматриваемое время не учитывала женщин, они не попали в поле зрения официальных переписных документов. Узнать, сколько было женщин в период становления слободы, можно лишь по косвенным признакам. Скорее всего, в слободе изначально женщин было значительно меньше, чем мужчин.

В 1710 г. Турский впервые приводит данные о женщинах. Всего он фиксирует почти две тысячи человек, из которых более пятисот проживали собственно в слободе и полторы тысячи – в деревнях. Доля мужчин и женщин среди них оказалась примерно одинаковой. При этом в самой слободе это соотношение хоть и незначительно, но уже меняется в пользу женщин.

Количественный рост детей показывает высокий уровень рождаемости: в начале XVIII века малолетние жители (от 0 до 15 лет) составляли половину всего населения. Близким к детской возрастной группе по количественным показателям, с незначительным отставанием, оказалась категория «взрослые» (от 16 до 54 лет) – до 46%. Доля стариков колебалась от 5% до 10%. Соотношение взрослых и старых можно объяснить высокой смертностью, а также тем фактом, что в заселении края участвовало преимущественно здоровое работоспособное население.

При сборе данных для переписей о возрасте он округлялся до 5- или 10-кратных единиц или определялся примерно по внешнему виду человека. Приведём пример отношения первопоселенцев к своему возрасту и возрасту своих детей. Во всех четырех переписях упоминается семья беломестного казака Микишки (впоследствии Никифора) Седова, у которого было два сына – Иван и Борис (строка 1 таблицы 1). По Поскочину, разница в возрасте братьев составила 1 год, по Спешневу – уже 2 года, по Турскому – 3 года, по Парфеньеву – 6 лет! Возраст самого главы семьи в двух последних источниках указан также достаточно условно: в 1710 г. Никофору 80 лет, а в 1720 г. ему

оказывается уже 95 лет! Также быстро «состарился» Карп Молявин: за 10 лет между переписями Турского и Парфеньева он прибавил целых 15 лет (строка 10 таблицы 1). Подобные случаи вполне типичны не только для изучаемого региона, но и для России в целом.

Другой интересный пример. В переписях Поскочина и Спешнева, между которыми, как известно, 6-7 лет, возраст детей оброчного крестьянина Офонки Кетова за этот период не изменился (строка 6 таблицы 1). Такие факты сложно объяснимы, хотя они подтверждают условное отношение людей к точному возрасту.

Какие были семьи?

Существует мнение, что в Сибири брачно-семейные нормы, сложившиеся в рамках русской православной традиции, соблюдались с определенной долей условности. О многоженстве в среде беломестных казаков, похищении и продаже женщин, о сожительстве русских с инородками свидетельствуют авторы XVIII–XIX вв. Отсутствие в переписи сведений о женщинах не позволяет определить национальную и социальную принадлежность первых женщин сл. Царево Городище.

Семья для женщины являлась гарантией защиты от физических посягательств, а также решала основные экономические проблемы, поэтому повторное вступление в брак было связано с элементарным выживанием в Сибири. Распространенность повторных браков среди женщин была обусловлена, во-первых, высокой мужской смертностью, связанной с суровыми условиями жизни и военными столкновениями с кочевниками; во-вторых, малочисленностью женского населения в Сибири, что заставляло мужчин брать замуж вдов. На протяжении XVII в. «женский вопрос» (то есть малочисленность женского населения в Сибири) оставался нерешенным, что являлось объективным препятствием для естественного воспроизводства населения в этом регионе.

Перепись Турского даёт сведения о 91 семье слободы Царёво Городище, из них большая часть – это простые семьи из двух поколений родственников: родителей и детей (нуклеарная семья), меньшая часть – расширенные семьи. Подробно описывая состав семьи, указывая родственную принадлежность к главе семьи, перепись Турского рисует довольно пёструю структуру расширенной семьи: взрослый холостой мужчина и его сестра жили со своим женатым и детным братом и с родителями; одинокая тёща проживала одним двором с зятем и его детьми; взрослый племянник составлял одну семью со своими много-

детными дядьями и пр.

Жизнь в рамках малой социальной группы являлась нормой, понятие «одинокий человек» для изучаемого времени – нетипичная исключительная ситуация. Таким же нетипичным явлением можно считать бездетные и неполные семьи (когда один родитель воспитывал одного или нескольких детей).

Также перепись 1710 г. свидетельствует об эволюции типовой структуры семьи: состав семьи усложняется и разрастается, кроме нуклеарной формируется расширенная семья, чем обусловлен рост средней населённости двора. Это связано с процессами старения местного населения, расширением хозяйственной деятельности, изменением соотношения полов.

Бездетность объяснить сложнее. Так, перепись не зафиксировала детей у вполне репродуктивных по возрасту супругов: драгунского сына Семена Бессердешного 30 лет и его жены Марьи 30 лет (с ними жили отчим Семен Пономарев 60 лет, жена отчима Неонила 60 лет). Возможно, дети у них были, но умерли к моменту проведения переписи. Также нельзя исключать, что дети в этой семье могли появиться после 1710 г.

Многообразие семейных связей, представленное в переписи Турского, не может быть сведено только к двум типам семей: нуклеарной и расширенной. Так, в ходе подсчёта были выявлены спорные случаи. Речь идёт о таких семьях, которые однозначно типизировать оказалось сложно. Например, если следовать за логикой источника, то семья Филиппа Колпакова 13 лет с братом Иваном 9 лет, сестрой Анной 20 лет и матерью Овдотьей Лазаревой 50 лет должна быть отнесена к расширенной семье, так как Филипп несмотря на свой малый возраст обозначен главой семьи, он проживает с матерью и родственниками по боковой линии, следовательно, здесь представлено несколько поколений. Если же использовать традиционный подход, эта же семья окажется нуклеарной неполной, так как она состоит из одного родителя – вдовой женщины и её детей.

Что стало с потомками первопоселенцев?

Дети, внуки и правнуки тех, кто первым пришёл в наш край, продолжили освоение Южного Зауралья. Некоторые из них стали основателями новых деревень и слобод. Другие остались жить в самой слободе. Уже в первые десятилетия существования Царёва Городища здесь

сложились местные династии. Некоторые из этих династий, которые удалось реконструировать на основе четырёх переписей, представлены в таблице 1.

Выше уже была рассказана история Микишки Леонтьева сына Седова, который вместе Тимофеем Невежиным пришел на высокий берег Тобола к Цареву кургану. В это время у него уже было двое маленьких сыновей Ивашка и Бориска, которые стали продолжателями династии Седовых. Фамилия «Седов» относится к одной из древнейших в России: в Ономастиконе Веселовского[33] упоминаются прозвища конца XV – начала XVI в. Седун, Седуха, бытовавшие в Новгороде. Вероятно, первые обладатели этой фамилии имели седые волосы, побелевшие от старости, болезни или горя, или были просто светловолосыми.

В 1710 г. с отставным драгуном Микифором Седовым, 80 лет, проживали сыновья Иван и Борис с семьями. А вот уже в 1720 г. главой семьи Седовых указан драгунский сержант Борис Никифоров, 37 лет. При нем жил отец Никифор Леонтьев, 95 лет, и старший брат Иван, 43 лет, отставной драгун.

Ещё одни подвижники Тимофея Невежина кузнец Ивашко и его брат бронный мастер Иевка Половниковы стали родоначальниками больших семей. Что касается самой фамилии «Половников», то она до сих пор распространена как на Урале, так и в Западной Сибири. Происходит прозвище от слова «половник», что означало крестьяна-издольщика, который за пользование землей платил определённую долю урожая. Половником мог стать малоземельный крестьянин-общинник, а также отпущенный на волю холоп или обедневший горожанин. Он относился к категории зависимого населения, у своих временных хозяев, по сути, был на положении крепостного крестьянина. Неслучайно половники в поисках лучшей доли шли в Сибирь.

Один из сыновей Иевки Половникова Семен в 1710 г. значится пушкарем в окрестной к Цареву Городищу деревне Черемховской. Вместе с его семьей проживала его мать Агрофена. По переписи Спешнева, у Ивашки значится четверо сыновей, у Иевки – два.

Фамилия следующей местной династии – Иноземцевых – восходит к прозвищу «Иноземец». Скорее всего, это не иностранец, а просто пришлый с иных земель, человек издалека. В слободе Царёво Городище, согласно переписи 1710 г., пустили корни три сына первопоселенца

[33] *Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища, фамилии. Москва : Наука, 1974. 382 с.*

Петра Иноземцева – Семен, Лука и Анисим, которые, как и их отец, всю жизнь прослужили драгунами. Сам Петр Иноземцев стал местным старожилом, прожив в слободе как минимум 30 лет.

В Царёвом Городище в семье сына Дмитрия дожил свой век первопоселенец служилый человек Григорий Борболин. К сожалению, в переписи у Турского Борболины не упоминаются. Почему так произошло, сказать трудно. Возможно, их забыли упомянуть по нерадению помощников Турского, возможно, они записались под другой фамилией (прозвищем) или ушли на время в другое селение.

Дети первопоселенца беломестного казака Онтонки Крапивина также закрепились в самой слободе и окрестной деревне Черемховской. Это драгун Григорий со своей семьёй и его младший брат Яков. Людей с фамилией Крапивины легко встретить среди жителей Южного Зауралья и сегодня.

Потомки оброчных крестьян Трошки Лебедкина, Онтипко Молявина, Савки Ленева, Ивашки Шумилова, Офонка Кетова жили в окрестностях слободы Царёво Городище и в XVIII веке.

Традиционной была практика называть новые населённые пункты по имени их основателей или первых жителей. Таким примером служит история первопоселенца Офонки Кетова. Он и его дети Иван и Григорий стали основателями одноимённой деревни Кетово. Есть сведения, что это произошло в 1703 г. К 1710 г. в деревне Кетово было пять дворов: кроме двух, принадлежавших братьям-основателям Кетовым, здесь жили три семьи бобылей с подворниками – Юрьевы, Пономарёвы и Омельяновы. В течение XVIII века по разным причинам это поселение дважды переставало существовать. Сегодня это большой административный районный центр.

Описанные в таблице 1 генеалогические линии не исчерпывают возможности рассматриваемых источников в реконструкции истории семей первопоселенцев. Это связано с внутренней миграцией беломестных казаков и оброчных крестьян, а также с практикой изменения фамилии главы рода.

Таблица 1– Генеалогические линии жителей сл. Царёво Городище и деревень, находившихся в её административном ведении. 1682 (1683) – 1720 гг.

№ п/п	Перепись 1682 (1683) г.	Перепись 1689 г.	Перепись 1710 г.	Перепись 1720 г.
1	Беломестный казак сл. Царево Городище Микишка Леонтьев сын Седов, у него дети Ивашко 1,5 лет, Бориско полугода	Беломестный казак сл. Царево Городище Микишка Леонтьев сын Седов, у него дети Ивашко 4 лет, Бориско 2 лет	Отставной драгун сл. Царево Городище Микифор Седов 80 лет, сын Иван 30 лет, сын Борис 27 лет (с семьями)	Драгунский сержант Борис Никифоров Седов 37 лет, отец Никифор Леонтьев 95 лет, брат отставной драгун Иван 43 лет
2	Кузнец сл. Царево Городище Ивашко Леонтьев сын Половников, у него дети Митка 8 лет, Мишка 4 лет, Алешка 2 лет, брат Иивко, брат Петрушко	Бронный мастер Иевка Яковлев Половников, у него дети Сенка 2 лет, Климко полутора лет; брат затинщик Ивашко Половников, у него дети Микитка 13 лет, Мишка 7 лет, Алешка 6 лет, Васка 2 лет	Пушкарь д.Черемховской Семен половников 25 лет (с семьей), брат Иван 20 лет, мать Агрофена 40 лет	-
3	Беломестный казак сл. Царево Городище Петрушка Осипов сын Иноземцев, у него дети Сенка 6 лет, Лучка 5 лет, Онисимко полутора лет, брат Оска 15 лет	Беломестный казак сл. Царево Городище Петрушка Осипов сын Иноземец, у него дети Сенка 10 лет, Лучка 7 лет, Онисимко 6 лет, Мишко полутора лет, брат Васка 20 лет	Двор отставного драгуна Семена Иноземцева 35 лет (с семьей); Двор отставного драгуна Луки Иноземцева 30 лет (с семьей); Двор драгуна Анисима Иноземцева 25 лет, (с семьей, жены нет) отец Петр 70 лет	-

4	Оброчный крестьянин Трошка Семенов сын Лебедкин, у него дети Федка, Гришка 4 лет, Мартынко полутора лет	Оброчный крестьянин д. Утяцкой Трошка сын Лебеткин, у него дети Филка 20 лет, Гришка 9 лет, Мартынко 3 лет	Крестьянин д. Лебедкиной Григорий Лебеткин 36 лет (с семьей), мать Марья Степанова 90 лет	-
5	Беломестный казак сл. Царево Городище Онтонко Федоров сын Крапивин, у него дети Гришка 4 лет, Софонко 2 лет, Якунко полутора лет	-	Драгун д. Черемховской драгун Григорий Крапивин 30 лет (с семьей)	Драгунский брат Яков Онтонов Кропивин 33 лет
6	Оброчный крестьянин сл. Царево Городище Офонко Софронов Кетов, у него дети Гришка 12 лет, Еремка 10 лет, Ивашко 8 лет	Оброчный крестьянин д. Утяцкой Офонка Софронов Кетов, у него дети Гришка 13 лет, Еремка 10 лет, Ивашка 8 лет	Крестьянин д. Кетовой Иван Кетов 43 лет (с семьей)	-
7	Беломестный казак сл. Царево городище Гришка Васильев сын Борболин	Беломестный казак сл. Царево городище Гришка Васильев сын Борболин, у него сын Потапко 3 лет	-	Драгун Дмитрий Григорьев Байбарин 27 лет, отец Григорий Васильев 65 лет
8	-	Оброчный крестьянин д. Утяцкой Якунка Дементьев сын Макаров, у него дети Ивашко 5 лет, Ивашко 4 лет	Отставной драгун сл. Царево Городище Иван Макаров 50 лет	-

9	-	Беломестный казак сл. Царево Городище Ивашко Кирилов сын Галкин, у него дети Федка 10 лет, Микитка 4 лет, Давыдко 2 лет	Отставной драгун Иван Галкин 55 лет, сын Микита 30 лет (с семьей), сын Давыд 20 лет (с семьей)	-
10		Оброчный крестьянин д. Утяцкой Онтипко Митрофанов сын Молявин, у него сын Карпушка 3 лет	Крестьянин сл. Царево Городище Карп Молявин 25 лет (с семьей), у него брат Родион 20 лет, брат Семен 15 лет (с семьями)	Двор беломестного драгуна Карп Антипин Молявин 40 лет (с семьей); Двор беломестного драгуна Семена Антипина Молявина 25 лет (с семьей)
11	--	Оброчный крестьянин д. Утяцкой Савка Остафьев сын Ленев, у него дети Дейко 15 лет, Васка 12 лет	Крестьянин сл. Царево Городище Василей Ленев 40 лет (с семьей)	-
12	-	Оброчный крестьянин д. Утяцкой Ивашко Леонтьев сын Шумилов, у него сын Васка 3 лет	Крестьянин сл. Царево Городище Иван Шумилов 60 лет (с семьей), сын Василей 30 лет (с семьей), сын Иван 3 лет	Беломестный драгун Василей Иванов Шумилов 30 лет (с семьей), брат Иван 13 лет
13	Слободчик Тимошка Онисимов, у него дети Оска 4 лет, Овдокимка год	-	Крестьянин д.Арбинской Осип Слободчиков 30 лет с семьей, живёт в остроге	-

Самый яркий пример изменения фамилии – это родословная Тимофея Невежина. Во вкладных книгах Далматовского Успенского монастыря, составленных в 1671 г., и в переписи Л. Поскочина он значится как Тимофей Анисимов. Первое упоминание о слободчике Тимофее Онисимове как о Невежине содержится в Наказной памяти, выданной в 1680-1681 гг. слободчику Белоярской-Иковской слободе Кондрату Кондратьеву сыну Замятину. Дети Тимофея Невежина носят фамилию, которая произошла от должности отца – Слободчиковы.

Потомки Григория Борболина в 1720 г. записывались как Байбарины (Бакбарины). Согласно исследованиям местных генеалогов, часть потомков кузнеца Ивашки Половникова по мужской линии в начале XVIII в. носила другую фамилию – Шкодских; семейство беломестного казака Ганки Кайгародова в первой половине XVIII в. проживало не только в сл. Царёво Городище, но и в Иковской и Усть-Суерской слободах.

С уверенностью можно говорить, что потомки первопоселенцев живут среди нас. И сегодня на слуху фамилии первопоселенцев Пушкарёвых, Парфёновых, Иноземцевых, Новиковых, Половниковых, Слободчиковых и многих других.

ГЛАВА 5. ЦАРЕВО ГОРОДИЩЕ КАК ПОГРАНИЧНАЯ КРЕПОСТЬ В КОНЦЕ XVII-НАЧАЛЕ XVIII В.

В историографии давно отмечена военная роль слободы. Так, в 1854 г. краевед Н.А. Абрамов писал, «как пограничная линия шла по реке Тоболу, то новая слобода Царево-Городище, или, иначе Царев-Курган, в то время самое отдаленное, обитаемое на юге место, обращено в крепость, для защиты от кочевавших по реке Тоболу народов. Укрепление ея состояло из бревенчатаго стоячаго тына с башнями, надолбами и рогатками, окруженных пространным рвом и валом»[34].

Долгое время крепость слободы действительно была самым южным укрепленным пунктом Московского государства на территории Притоболья. П.А. Раппопорт писал, что на Руси в средние века не было сплошных оборонительных рубежей. Вся оборона строилась на расположении около рубежа, то есть весьма условной границы, опорных пунктов в виде крепостей и городов, возводимых главным образом на удобных путях сообщения. В Сибири крепости, построенные стихийно, должны были контролировать относительно небольшую территорию рядом с ними, защищая при опасности гарнизон, а также население округи, то есть находившиеся при слободе деревни. Главным типом крепостного укрепления Зауралья XVII в. являлся острог, с традиционной оградой из заостренного тына. В стенах острога прорубали бойницы для обстрела из ружей и луков. Пушки, как правило, ставились на расстоянии от стен на «раскатах» или «затинах», то есть специально подготовленных площадках за тыном, откуда было возможно маневрировать орудиями, обстреливая из них максимально возможное пространство.

Материалы Сибирского приказа, которые хранятся в Российском государственном архиве древних актов (г. Москва), позволяют более детально представить состав гарнизона слободы и его изменения как в период соправления русских царей Иоанна и Петра Алексеевича, так и при единоличном правлении последнего. В 1686 г. в остроге служили 31 человек, в их число входили 24 беломестных казака, 5 новых драгун, 1 пушкарь, 1 затинщик и 1 воротник. Хотя в остроге имелось 2 пуда боеприпасов, были определенные проблемы с обеспечением огнестрельным оружием. Только у 21 из 24 беломестных казаков на вооружении

[34] *Абрамов Н. А. Слобода Царево-Городище до переименования ее городом Курганом, Тобольской губернии // Вестник Императорского русского географического общества. Кн. III. Санкт-Петербург, 1854. С. 101*

были государевы или собственные пищали[35].

Кто же такие беломестные казаки, составлявшие в 80-90 гг. XVII большинство служилых людей Царева Городища? По свидетельству И.Е. Фишера, так назывались те казаки в Сибири, которые получали вместо жалования землю и не платили с нее податей в казну, т. е. владели «белой» – свободной от налогов землей[36]. В.Н. Татищев, который в период административной деятельности на Урале встречал представителей данной категории, писал, что беломестными казаками называли тех, кто владел наследственными землями, не платил податей, хотя обязан был за наделы нести службу. Г.Ф. Миллер отмечал, что «этим названием обозначалась в старину известная часть населения в пограничных слободах, которая должна была служить службу наравне с служилыми людьми», получая за это не жалование, а землю, освобожденную от податей[37].

В 1620-1640-х гг. на юге Западной Сибири начинается строительство слобод с крестьянским населением, которое должно было решить проблему снабжения хлебом сибирских гарнизонов. До этого времени почти весь хлеб приходилось вести из европейской части, что значительно усложняло и увеличивало финансирование освоения Сибири. Первоначально слободы населялись исключительно крестьянами, однако в 1630-е гг. в результате резкого увеличения военной опасности в этих слободах строятся остроги, где размещались немногочисленные отряды годовальщиков из ближайших уездных центров. В результате пришлось решать проблему защиты слобод другим способом, то есть организацией постоянных гарнизонов, которые могли набираться из местных гулящих людей или крестьян. Именно они и становились беломестными казаками. Хотя их количество в это время было небольшим, однако они играли в крае важную роль, защищая слободы от набегов небольших групп кочевников. В 1688 г. все служилые люди по прибору (набору), служившие в слободах и острогах по Исети и Тоболу, стали называться беломестными казаками.

В 1686 г. в Царевом Городище находилось 29 служилых людей и 26 дворов крестьян, что указывало на второстепенное место слободы в структуре военно-административной системы Южного Зауралья. Однако уже к 1692 г. здесь была сформирована входившая в полк сот-

[35] *РГАДА. Ф. 214. Кн. 839. Л. 58.*

[36] *Фишер И. Е. Сибирская история. Санкт-Петербург : Издание Императорской А. Н., 1774. С. 52.*

[37] *Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. III. Москва : Восточная литература РАН, 2005. С.100.*

ня беломестных казаков, причем, учитывая ограниченные людские ресурсы слободы, надо полагать, что большинство казаков были переброшены из слобод по р. Исети. Правительство предвидело опасность при тактическом развертывании этих сотен в условиях распыленности состава полка по разбросанным на большое расстояние острогам. Это делало его крайне уязвимым при вводе в бой крупных подвижных конных масс противника, которые могли быстро передвигаться по степным дорогам. События 1690-х гг. подтвердили подобные опасения: конные отряды кочевников (по разным источникам от 1300 до 3000 человек) при нападении на слободы Зауралья взяли инициативу в свои руки. Используя фактор внезапности, они появлялись под теми поселениями, которые хотели взять, разбивая поодиночке отряды беломестных казаков. Правительство пыталось решать проблему перекидыванием на юг гарнизонов северных городов и крепостей. Так, 25 мая 1692 г. отпиской боярина воеводы Степана Ивановича Салтыкова из Тюмени в слободу Царево Городище и Ялуторовскую слободу был отправлен отряд в 120 человек: 30 детей боярских (служилых людей по отечеству), 40 литвы и конных казаков, 50 служилых татар. Такой состав отрядов был традиционен для первого столетия освоения Западной Сибири. Они должны были снабжаться военными запасами. Так, детям боярским Тобольска, посланным в Царево городище, было выдано 6 пудов боеприпасов и 6 пудов свинца[38].

В 90-е гг. XVII в. отряды Казачей орды впервые вышли к границам русской Сибири и совершили ряд набегов на слободы Зауралья. Особенно напряжённая обстановка сложилась в южных острогах и слободах Среднего Притоболья, прикрывавших от кочевников массивы растущей крестьянской колонизации по притокам Тобола и его нижнему течению. Воеводы Тобольска С.И. Салтыков и А.Ф. Нарышкин сообщали, что с 1689 по 1694 гг. «…приходили Казачьи Орды и каракалпаки воинские люди в Тобольской уезд под Тарханский острог и под Ялуторовскую, и под Царёво Городище, и под Утяцкую и под Чумляцкую, и под Ишимскую Коркину слободы и под митрополье Воскресенское село, и к пристанищу Ямыша озера войною и многих русских служилых людей, и татар, и крестьян, и ясашных людей побили, и в полон з женами и з детьми взяли и скот отогнали»[39]. Именно

[38] *РГАДА. Ф. 214. Кн. 1306. Л. 24.*

[39] *Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII в. и первой половине XVIII в. Москва - Ленинград : Изд-во АН СССР, 1936. С. 95.*

в ходе этих набегов в 1691 году погиб слободской приказчик Петр Спиридонов вместе со своей семьей.

Н.А. Абрамов первым описал набеги кочевников на слободу: «принадлежавшия Царёву Городищу слободы и деревни в конце XVII и в первой половине XVIII столетия много терпели от набегов кочевавших по реке Тоболу народов. Киргизы (так вплоть до начала XX века в русских документах называли казахов – Д.М.) вели себя в отношении к Сибири разбойниками… в июле 1691 года, Киргизы раззорили Утяцкую и Куртамышевскую слободы… В следующем году Киргизы, Татары и Каракалпаки раззорили несколько деревень, принадлежавших Цареву-Городищу, многих крестьян умертвили, а некоторых увели в полон. Из крепости вслед за ними были отправлены, из состоявших на обережной службы, 100 человек беломестных казаков, под предводительством сотника, и когда они достигли неприятелей, то последние напав на них, убили самого сотника с 40 казаками»[40].

Действительно, в июне 1692 г. отряд кочевников внезапно вышел на деревни слободы Царёва Городища и разорил Утятскую слободу, разграбив около двадцати дворов, перебив много крестьян, уведя их детей и жён. Отряд из 100 беломестных казаков вышел в погоню и настиг грабителей недалеко от Царёва Городища, но из-за незначительного количества людей не смог разгромить кочевников и сам понёс большие потери в лице сотника и 40 человек. Главные русские силы из 6 сотен тобольских детей боярских, конных казаков, тюменских татар и беломестных казаков под командой Фёдора Тутолмина прибыли в разорённый район слишком поздно и уже не смогли найти в степях противника. Следовало задуматься о создании более эффективной системы противодействия набегам. Несмотря на сосредоточение значительных сил, воеводам не удавалось обеспечить защиту пограничной полосы. С этой целью Тобольский воевода А.П. Головин провёл реорганизацию расположения русских военных сил в период береговой службы. Основная часть воинов в лице детей боярских, служилых людей и татар из Тобольска были переведены в Суерскую слободу, аналогичный по составу отряд из Тюмени поставили в слободе Царёво Городище. Кроме того, функционировали слободские служилые люди, разбитые на сотни[41]. Во главе главной группы стоял тобольский сын боярский Василий Шульгин, отряд в Царёвом Городище возглавлял тюменский

[40] *Абрамов Н.А. Там же. С. 102.*

[41] *Сибирский летописец / с пред. Е. В.Кузнецова. Тобольск, 1892. С. 35.*

сын боярский Иван Молчанов. Скорее всего, с этого времени именно в связи с военной опасностью слободу возглавляли различные военные предводители из числа детей боярских, а позднее капитанов. Судя по всему, им вменялось и выполнение функции приказчиков.

В результате в 1693 г. из Тюмени «в слободу на Царево Городище» и другие слободы на службу был отправлен отряд в 153 человека конной службы, 3 дворянина, 50 детей боярских, 60 литвы и новокрещенного списка и конных казаков, 40 юртовских служилых татар. 15 июля 1693 г. отряд кочевников вышел под деревни Ялуторовской слободы и перебил не готовые к бою разрозненные группы беломестных казаков и крестьян (убито 42 и захвачено в плен 69 человек). В.П. Шульгин, находившийся в Суерской слободе, не дожидаясь отряда Ивана Молчанова, присоединил к своему отряду от 155 до 172 человек беломестных казаков и «охочих крестьян» из Ялуторовской и Суерской слобод. Кроме того, к отряду присоединилось много охотников из других слобод[42]. С этими силами В.П. Шульгин 25 июля вышел в степь. 27 июля отряд русских вступил в сраженье с кочевниками у озера Семискуль на восточном берегу р. Тобол (современная территория Мокроусовского района). По данным Есиповской летописи, в бою погибли сам Василий Шульгин с двумя братьями, Яковом и Иваном, значительное число тобольских детей боярских, беломестных казаков, татар и слободских крестьян. В малоизвестном памятнике конца XVII – начала XVIII в. «Сибирском летописце» содержится дополнительная информация об этом событии. Отряд В.П. Шульгина вынужден был принять бой в невыгодных для себя условиях. Недалеко от места сосредоточения кочевников у озера у русских сломалась телега с припасами, и им пришлось занять оборону прямо в открытой степи, а не за естественными укрытиями. Теперь исход боя решало численное превосходство кочевников. Отряд Тюменских служилых людей Ивана Молчанова из Царёва Городища не успел вовремя поддержать В. Шульгина. Недалеко от места «побоища» бежавшие русские пленные сообщили Ивану Молчанову, что отряд В. Шульгина полностью уничтожен. После этого отряд И. Молчанова отошёл в Ялуторовскою слободу, где простоял до осени. В бою погибло или было взято в плен 3 дворянина, 28 детей боярских, 42 литвы и новокрещенного списка и конных казаков, 40 юртовских служилых татар, 37 человек детей и братей и племянников. Из отряда В. Шульгина

[42] *Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 36. Группа Есиповской летописи. Москва : Наука, 1987. Ч.1. С.287.*

выжило лишь 14 чел., взятых в плен и позднее бежавших (3 детей боярских, 1 казачий сын, 5 служилых татар)[43].

Разгром главного русского отряда существенно осложнил военно-политическую обстановку в Южном Зауралье. Только по дошедшим до нас данным в период набегов 1690-х годов кочевники захватили в плен более 430 человек, отогнав сотни лошадей и голов рогатого скота, перебив в Южном Зауралье сотни служилых людей и мирного населения. Реальные потери были еще выше: по данным русских послов, только в городах Средней Азии к 1694 г. в рабстве находилось более тысячи русских пленных, взятых кочевниками. Над русской Сибирью, особенно ее пограничными территориями Южного Зауралья, в 90-е годы XVII в. нависла серьезная опасность.

В 1695 г. уже три отряда служилых людей из Тобольска посылались на Царево Городище, и «на Тобольского уезду слободы», и в Тарханский острог. Материалы Сибирского приказа сообщают, что Царево Городище охраняли «дети боярские и Литовского и новокрещенского списка и конные казаки и служилые татары»[44]. К 1696 г. для концентрации сил количество острогов и слобод юго-западной части Тобольского уезда, где находились постоянные гарнизоны беломестных казаков, было сокращено с 25 до 16. Одновременно состав полка оказался усиленным до 992 человек путем наборов на место убитых в боях. Это позволило создать более крупные оборонительные пункты и отчасти решить проблему разбросанности отрядов. В 1696 г. сотня слободы Царево Городище насчитывала уже 85 беломестных казаков, включая сотника, двух пятидесятников, знаменщика и барабанщика[45]. Такая численность сделала острог слободы одним из опорных пунктов русской власти в продвижении к югу, в степную зону. Перепись служилых людей 1696 г. на юге Сибири ясно зафиксировала две тенденции в крае: укрупнение гарнизонов и постепенный перевод военных сил на юго-восток, прежде всего, в Среднее Притоболье, для защиты крайних форпостов русской колонизации от набегов кочевников.

Свидетельство первого историка Сибири С.У. Ремезова, по делам службы при составлении чертежей сибирских земель оказавшегося в одном из таких отрядов в 1696 г., дает представление о деятельности подобных формирований в Южном Зауралье. Она не ограничива-

[43] *РГАДА. Ф. 214. Кн. 1044. Л. 12.*
[44] *РГАДА. Ф. 214. Кн. 1104. Л. 13.*
[45] *РГАДА. Ф. 214. Кн. 1104. Л. 43 об.–46 об.*

лась пассивным отбыванием сторожевой службы в одном из острогов. 10 апреля 1696 г. отряд сына боярского Андрея Кляпикова вышел из Тобольска «для оберегательства слобод от приходу Казачей Орды неприятельских людей». В течение всего лета отряд перемещался по левому берегу р. Тобола, заходя в Ялуторовскую слободу, Суерский острог, Усть-Суерскую, Белозерскую, Иковскую слободы. 20 августа служилые люди вошли в Царево Городище, а затем ушли в направлении р. Миасс в Окуневский острог и село Воскресенское. 29 августа, когда к селу Воскресенскому подошли неприятельские люди, отряд А. Кляпикова вышел на вылазку и потом гнал противника почти 10 верст. 2 сентября отряд вышел степью в Утяцкую слободу, а затем вновь в Царево Городище, только 30 сентября «ратные люди» вернулись в Тобольск[46].

Несмотря на эти дозоры, только в ходе новой реорганизации служилых людей Зауралья в 1698 г. число острогов с гарнизонами полка еще раз сократилось с 16 до 10. Одним из них вновь стала слобода Царево Городище, в которой стала дислоцироваться полноценная сотня служилых людей[47].

Главное значение в конце 1690-х гг. в защите от набегов кочевников Царева Городища и других слобод Южного Зауралья имел восстановленный драгунский полк. Преобразование беломестных казаков в полурегулярный Сибирский полк слободских драгун существенно расширило возможности служилых людей Южного Зауралья по защите края. В ходе русско-казахских переговоров один из представителей кочевой знати сообщил русскому послу, что причиной ослабления натиска кочевников на слободы Зауралья в XVIII в. стали возросшие потери кочевников, если во время первого натиска (1690-1695 гг.) казахи меняли одну свою голову на 3-4 русских, то позднее, после организации драгунского полка, потери сторон стали равными. По приказу Петра I драгуны, в отличие от беломестных казаков, должны были получать жалование.

В 1699 г. командира новых драгун И.Т. Текутьева сменил полковник Давыд Яковлевич Мейн, присланный Сибирским приказом из Москвы. По ведомости сибирских городов в 1700 г. в штате драгунского полка Тобольского уезда находились 1 полковник, 10 капитанов и 1000 драгун. Полковник имел оклад 100 руб., 50 четвертей ржи и 50 – овса, 20 пудов соли, капитаны – 60 рублей. Ежегодное жалование драгунам

[46] *ГАКО. Д. 2260. Оп. 1. Д. 100. Л. 7.*
[47] *РГАДА. Ф. 214. Кн. 1104. Л. 26 - 61 об.*

3000 руб., 3000 четвертей ржи и 2000 овса, 200 пудов соли, а также 6 десятин пашни на человека.

После создания в Южном Зауралье драгунского полка у администрации Сибири появились новые возможности для использования местных сил в охране края. Так, к началу XVIII в. сотни полка самостоятельно охраняли большую часть его территории. В сентябре 1700 г. полковником Сибирского драгунского полка Д. Мейном на Цареве Городище была получена царская указная память с требованием по окончании охраны границы, «как береговая служба минется», совершить с полком рейд к р. Ишим с целью осмотра местности для построения крепости[48]. Аналогичные сооружения появляются в это время и по р. Тобол, к югу от Утятской слободы.

На июнь-сентябрь 1701 года из слобод Исетской линии полк переходил в южные, наиболее уязвимые для ударов кочевников слободы по р. Миассу и в Среднем Притоболье. Это позволяло перекрывать все возможные пути их продвижения в Зауралье. 10 июня 1701 г. командир полка Д.Я. Мейн и полуголова Степан Текутьев с 2 ротами, взяв полковые припасы, 3 пушки и 99 мушкетонов, вышли из Исетского острога «на береговую великого государя службу в слободу на Царево Городище»[49]. 13 июня роты вошли в крепость слободы Царево Городище, 14 июня сюда подошла Шадринская рота капитана Степана Ранчковского, 15 июня – Арамильская рота капитана Ивана Буткеева, 17 июня – Колчеданская рота капитана Василия Лосева. Вместе с гарнизоном слободы – ротой капитана Ивана Обольянинова – здесь было сосредоточено 6 сотенных рот драгун.

Служба в Царевом Городище, где сосредоточилось большинство драгун полка, сочетала как боевое дежурство в прилегающих поселениях, так и проведение рейдов и преследование прорвавшихся в Зауралье отрядов кочевников. 18 июня 1701 г. 40 драгун роты Царева Городища заняли Иковскую слободу, а 20 июня Исетская рота расположилась в Утятской слободе, ранее за р. Тобол были отправлены драгуны из разных рот до озер Станового и Дектева «для проведывания воинских людей их следов и дорог». Отряды драгун в Утятской слободе и в заставах на озерах периодически сменялись из основных частей, расположенных в слободе Царево Городище. Занятие отрядами Утятской и

[48] *РГАДА. Ф. 199. № 478. Т. 3. Д. 70. Л. 1*

[49] *Памятники сибирской истории XVIII века. Кн.1. 1700-1713. Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1882. С. 144.*

Иковской слобод позволило перекрыть основные подходы кочевников в районе этой слободы.

Паника ожидания набегов кочевников охватила население Среднего Притоболья после серии нападений 1700–1703 гг. Пользуюсь наезженными степными дорогами, кочевники легко могли выйти к деревням любой из слобод. Как показали события, русские воинские силы не могли обеспечить эффективную защиту степной стороны Тобола, что привело к временному свёртыванию колонизационных процессов на данной территории. По этой причине Давыд Мейн и Степан Текутьев совершили поездку по деревням, относившимся к ведению Царева Городища, и «свели» деревни Предеину и Завьялову, переселив крестьян в Утяцкую слободу, и деревню Утяцкую слободы Царево Городище, переселив жителей в деревню Черемухову, хотя для сбора урожая дворы крестьян правого берега р. Тобол были временно оставлены[50]. Последующие события доказали правильность этих мер. Так, в 1703 г. крестьяне Верх-Суерской слободы покинули поселение, уйдя на «жилую сторону» р. Тобол в Усть-Суерскую слободу.

В 1701 г. на Южное Зауралье было совершено 5 нападений кочевников. Кочевники осадили Чумляцкую и Утятскую слободы, сожгли Усть-Уйское поселье Далматова монастыря, захватили группы крестьян под деревнями Смолиной Царева Городища и Слободчиковой Емуртлинской слободы[51]. В ответ на это главными силами Сибирского драгунского полка из Царева Городища были организованы рейды в степь.

29 июля сразу после получения известий о стычке с кочевниками под Утятской слободой из Царева Городища вышли роты полка во главе с Д.Я. Мейном, взяв «мелкие 2 пушки верховые». Вечером они прошли Утятскую слободу, после чего заночевали в поле. 30 июля отряд перешел две Черные речки по правой стороне р. Тобол, в обед по следам кочевников проехали две речки Алабуги, после чего опять заночевав в степи. 31 июля они перешли р. Абугу, отправив вперед Исетскую роту. Через 5 верст рота вернулась, поскольку в безтравной степи потеряли следы. 3 августа отряд вернулся в Утятскую слободу. Все это время здесь дежурил перешедший на юг из района Ялуторовской слободы на время преследования полк тобольских и тюменских людей Петра Толбузина.

Следующий рейд на восток в район р. Ишим из постоянной базы –

[50] *РГАДА. Ф. 199. № 478. Т. 3. № 57. Л. 1.*

[51] *Памятники Сибирской истории. С. 149.*

слободы Царево Городище – проводился уже соединенными силами обоих сибирских полков. 7 августа после нападения кочевников на деревню Смолино полки «бежали в степь днем и ночью двои сутки по следам воинских людей к Ишиму реке». Структуру вооруженных сил во время преследования составлял первый отряд – драгунский полк с посланным вперед авангардом – 150 драгунами рот Исетской слободы и Царева Городища. Позади шел полк Петра Толбузина, его авангард – 200 служилых людей Тобольска и Тюмени. Таким образом, небольшой преследующий отряд подкреплялся на случай встречи с крупными группами кочевников всеми наличными силами драгунского полка и служилых людей Сибири, стоявших в Южном Зауралье. Такая тактика оправдывалась стремлением кочевников заманить отряды служилых людей в дальние степи, истребив их превосходящими силами. Указ российского императора Петра I 1706 г. новому командиру драгунского полка Ивану Аршинскому обращал особое внимание на эту опасность, а также требовал ходить в походы «с большим опасением … быть к слободам в близости…»[52].

В 1702 году приказчиком слободы стал капитан Иван Обольянинов[53]. К этому времени укрепления слободы значительно увеличились, как мы об этом писали в прошлой главе. В остроге имелось несколько орудий: «в той слободе ружье пищаль мерой 2 аршина с четью, весом 14 пудов к ней ядер нет. Пушка медная мерой 1 аршин с четью весом 4 пуда с четью. К ней 16 ядер. Пищаль затинная 2 аршина весом 34 гривенки, к ней 39 ядер железных». Кроме того, в слободе имелись 102 пищали гладких, в том числе 10 мушкетов у служилых людей, 3 самопала, 3 бердыша, знамя камчатое белое, 2 барабана, 39 гривенок боеприпасов, 25 гривенок свинца[54]. К 1710 г. в слободе было 148 дворов крестьян и 36 дворов бобылей. В слободе жили 145 крестьян, 94 разночинцев, 54 бобылей, 5 вдов, всего 298 человек[55].

Когда начинались восстания местных тюркских племен, которые в литературе принято называть «башкирскими», то главные силы драгунского полка должны были защищать слободы по р. Исеть, как это следовало из плана развертывания драгунского полка 1709 г., составленного в Тобольске. Полковнику Л. Парфентьеву предписывалось разослать по

[52] *Памятники Сибирской истории.., с. 289.*

[53] *РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.474. Л.44об-45об.*

[54] *РГАДА. Ф. 214. Кн. 1376. Л. 83-84.*

[55] *Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья : в 2 т. Т.1. Тобольск : ОБФ «Возрождение Тобольска», 2006. Л. 37-43.*

роте драгун в Белоярскую, Теченскую, Чумляцкую, Пещанскую слободы, Уктусские заводы и Воскресенский городок, перекрывая все выходы в западную часть края. Такое распределение отрядов в свою очередь спровоцировало мощные набеги кочевников в ослабленное выводом войск Среднее Притоболье в августе и сентябре 1709 г., когда пострадали Царево Городище и Иковская слобода. О летнем нападении комендант слободы доносил в Тобольск: «Прибежали из степи воровские люди под слободу Царево Городище из-за Тобола реки и деревню Смолину осадили, и трех русских взяли в полон». Небольшие гарнизоны слобод из драгун привлекали в свой состав на время боев крестьян и любых «охочих людей» для обороны главных поселений. Так, 8 сентября 1709 г. из Царева Городища подполковники драгунского полка С. Текутьев и Ф. Матигоров с 4 ротами вышли под разоряемую Иковскую слободу и бились с повстанцами «весь день до вечера», нанеся им крупные потери.

В 1713 г. набегам кочевников подверглись деревни сразу 3 слобод по Тоболу – деревни Речная (Усть-Суерской), Ренева (Емуртлинской) и Челнокова (Царёва Городища). По данным Н.А. Абрамова, «в Кургане с ужасом рассказывали о многих таких набегах, равно и о том, как разъезжавшие верхом Киргизы уводили Русских…»[56].

После 4-летнего перерыва на восточной границе казахских кочевий вновь начались боевые действия. Ойрато-казахская война 1717-1718 гг. привела к новым поражениям Казахских жузов. Это побудило часть казахских родов, оставив кочевья в прифронтовой полосе, в 1718 г. прибыть к границам русского Зауралья, где у них начались конфликты с русскими подданными, рассматривавшими верховья Тобола и Ишима в качестве законных мест своей охоты и промысловой деятельности. Так, в декабре 1718 г. полковник Леонтий Парфентьев из Царёва Городища сообщил в Тобольск, что на реку Ишим «по обе стороны» в «самую близость» к русским слободам прибыла Казачья орда и «на промыслах, на солёных озёрах, и на хмелье русских людей и татар побивают и полон берут»[57]. Из Тобольска в зауральские слободы были посланы требования обеспечить безопасность жителей и жить с «бережением».

При этом в 1710-е гг. в драгунских полках стали возникать внутренние проблемы. Например, драгуны рот, расположенных в Царевом Городище и Шадринской слободе, во главе с урядниками Иваном

[56] *Абрамов Н. А. Там же. С. 102.*

[57] *ГАШ (Государственный архив в г.Шадринске). Ф. 224. Оп. 1. Д. 47. Л. 11 об.*

Уткиным и Меркулом Илешиным подала «скаску» к губернатору Сибири князю М.П. Гагарину (1711-1717 гг.). Они жаловались на невозможность служить службу без жалования в связи большим перечнем обязанностей, «... бывают они непрестанно в городе и на заставах и на караулах и по ведомости в посылках в степь против неприятельских людей и к Москве и в Тобольске за денежною казною и за солдаты в провожатых и в слободы с указу для сбору денежной казны да определены князем Василием Мещерским в новоучрежденные верхтобольские остроги для отпору неприятельских людей...». В отличие от беломестных казаков драгуны не хотели служить только с одной пашни. Значительное увеличение обязанностей просто не позволяло выходить в поле во время страды и посева, при этом они должны были являться на службу с двумя конями. Однако купить их без денежного жалования также было невозможно[58]. В ответ князь М.П. Гагарин приказал отстранить драгун из числа жалобщиков от службы, набрав на их место охочих людей и крестьян. Аналогичный приказ поступил от князя и в Царево Городище, где крестьянам было велено быть в беломестных драгунах. Как выяснилось позднее в ходе следствия по делу М.П. Гагарина, за выполнение просьбы крестьян, которые, перейдя в беломестных казаков, стремились уклониться от государственных налогов, он получил от крестьян Царева Городища, Иковского и Утятского станцов взятку 1500 рублей.

Кроме того, в слободах увеличился произвол офицеров. Так, полковник Л. Парфентьев самовольно верстал рядовых Царева Городища в сержанты, прапорщики и подпрапорщики, посадил драгуна Иковского станца Савву Васильева под караул, вымогая деньги и лошадь, из леса драгун Утятского станца построил «хоромы» своему брату Андрею Парфентьеву, брал драгун себе на двор для выполнения домашней работы, широко торговал с казахами. Позднее во время следствия у него конфисковали несколько тысяч лошадей[59]. Процесс М.П. Гагарина, затронувший ряд высокопоставленных чиновников и офицеров Сибири, совпал по времени с началом в 1718 году новой серии набегов казахов на юг Зауралья, что побудило Сибирский приказ восстановить предусмотренное указом Петра I 1698 г. жалование драгунам для обеспечения их элементарной боеспособности.

Еще в 1700 г. полковник драгунского полка Давыд Мейн при описи

[58] *РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2623. Л. 36-38.*
[59] *РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2654. Л.61-94 об.*

слободы Царева Городища сделал вывод, что слобода, благодаря своему географическому положению и ресурсам, будет главным военным и административным центром южных слобод Тобольского уезда – «в той слободе пристойно быть городу и драгунским ротам»[60]. Эта идея была отчасти реализована в 1713 г., когда штаб Сибирского драгунского полка с несколькими сотнями драгун был переведен из Исетского острога в Царево Городище на постоянную дислокацию, драгуны заняли Утятский и Иковский станцы, что позволило вести круглогодичную защиту наиболее уязвимой части Южного Зауралья – Среднего Притоболья. Переход штаба полка на постоянное базирование в Царево Городище окончательно утвердил положение военной столицы Южного Зауралья.

Причиной концентрации в Царевом Городище столь крупных воинских сил в первой половине XVIII в. явилось то обстоятельство, что с выходом в Зауралье на первое место русско-казахских противоречий Среднее Притоболье оказалось самым уязвимым для казахских набегов местом Сибирской губернии. При этом оно было ключевой территорией, закрывающей путь как в другие районы Южного Зауралья, так и к старому району русской колонизации около Тюмени и Тобольска. Выбор же Царева Городища в качестве одного из двух наряду с Ялуторовском, места сосредоточения мобильных боевых групп обусловливался возможностью организации активной обороны отсюда и южной Утятской, и северной Иковской слобод, то есть всей южной части Среднего Притоболья.

В условиях расширения числа поселенцев слободы в 1720-1730-е гг. и был предпринят перенос крепости слободы на место вокруг современной Троицкой площади города Кургана. Вскоре около слободы был построен военный лагерь, где находились драгуны полка. В 1736 г. взятый в плен участник башкирского восстания сообщил, что башкиры Айлинской волости Сибирской дороги совершили набег «под драгунской лагерь к Цареву Городищу»[61].

Таким образом, построенная Тимофеем Невежиным слобода Царево Городище на протяжении более чем 50 лет являлась крупным оборонительным пунктом русской власти и даже военной столицей Южного Зауралья. Даже после переноса крепости и слободы на новое место ее важное положение в этой сфере сохранялось вплоть до строительства южных оборонительных линий в середине XVIII века.

---

[60] *Служебная чертежная книга. Л. 53.*

[61] *Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / авт.-сост. Н. Ф. Демидова. Т. VI. Уфа : Китап, 2002. С. 197.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Акишин М. О. «Старый полковник» на «береговой службе» Тобольска // Казачество на государевой службе. Екатеринбург, 1993. С. 26-28.

2 Акманов И. Г. Восстание 1662-1664 гг. – первое массовое движение в Башкирии // Крестьянство и крестьянские движения в Башкирии в XVII-XX вв. Уфа, 1981. С. 55-61.

3 Анучин Д. Н. Городище // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 9 (17) : Гоа - Гравер. Санкт-Петербург, 1893. 474 с.

4 Бахрушин С. В. Сибирь и Средняя Азия в XVI-XVII вв. // Научные труды. Москва : Наука, 1959. T.IV. С.195-214.

5 Варлаков П. В. Первопоселенцы Царева городища // Радиокурган. URL:http://www.radiokurgan.narod.ru/digging/varlakov/varlakov.htm (дата обращения 06.05.2015).

6 Варлаков П., Кузьмин А. Друзья и враги Тимофея Невежина // Альманах «Тобольск и вся Сибирь». Курган. XXIII том. Тобольск : Издательский отдел Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2014. С.261-267.

7 Васильева А. М. Забытый Курган. Курган : Зауралье, 1997. 359 с.

8 Вейнберг Л. Б. Курган // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 17 (33) : Култагой - Лёд. СПб., 1896. 482 с.

9 Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища, фамилии. Москва : Наука, 1974. 382 с.

10 Вилков О. Н. Тобольск – центр хлебной торговли Западной Сибири XVII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). Москва : Наука, 1973. С.164-193.

11 Вилков О. Н. Концепция С.В. Бахрушина и В.И. Шункова о характере первоначального периода заселения и освоения Сибири русскими в конце XVI-начале XVIII в. в оценке советской историографии последних лет // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1991. С.21-31.

12 Власова И. В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII-XVIII вв. Москва : Наука, 1984. 232 с.

13 Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале

XVIII в.: Численность, сословно-классовый состав, размещение. Москва : Наука, 1977. 263 с.

14 Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Москва : Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.

15 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. А-З. Москва : Русский язык, 1978. 699 с.

16 Завалишин И. Описание Западной Сибири. Москва : Тип. Грачева и комп., 1862. 419 с.

17 Иофа Л. Е. Города Урала. Москва : Гос. изд-во географ. лит-ры, 1951. 423 с.

18 Кабо Р. М. Города Западной Сибири. Москва : Гос. изд-во географ.лит-ры, 1949. 217 с.

19 Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья во второй половине XVII-XVIII вв. : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Москва, 1967. 50 с.

20 Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. Часть 2. Экономика и положение крестьянства / отв. ред. проф. Кривошеев. Челябинск, 1969. 276 с.

21 Кондрашенков А. А., Лапин Н. А. Об основании города Кургана // Вопросы истории. 1962. № 10. С. 209-211.

22 Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. Москва : ОГИ, 2004. 486 с.

23 Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. Москва : Искусство, 1987. 142 с.

24с Лапин Н. А. Слобода Царево Городище в XVII в. // Ученые записки Курганского пединститута. Курган : Курганский гос. пед. ин-т, 1962. Вып. 4. С. 3-22.

25 Маслюженко Д. Н. Была ли татарская крепость «Царево городище» на месте города Кургана, или об одном спорном моменте в региональной историографии // Историческая судьба Искера : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Историческая судьба Искера» (7-8 июня 2013 г., г.Тобольск) / под ред. З. А. Тычинских. Тобольск : Принт-экспресс, 2013. С.67-78.

26 Маслюженко Д. Н. Царекурганская слобода на чертежах С. У. Ремезова // XI Зыряновские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 5-6 декабря 2013 г.). Курган :

Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. С.6-8.

27 Маслюженко Д. Н. Тюркские группы в кочевьях Кучумовичей в Южном Зауралье в 1600-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С.5-10.

28 Маслюженко Д. Н., Новиков И. К., Рябинина Е. А. Археологические исследования А.О.Гейкеля у д.Курганской в 1893 г. // XII Зыряновские чтения : материалы всероссийской научно-практической конференции. Курган : Изд-во Курганского гос.ун-та, 2014. С.11-15.

29 Маслюженко Д. Н., Петров М. С., Чечулина Ю. А. Укрепления слободы Царево Городище: возможности исторической и художественной реконструкции // XIV Зыряновские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. С.7-9.

30 Маслюженко Д. Н., Самигулов Г. Х. Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII века // Вопросы истории. 2017. № 1. С.57-72.

31 Менщиков В. В. Южное Зауралье в XVII-XVIII вв. // История Курганской области (с древнейших времен до 1861 г.). Курган: Зауралье, 1995. Т.1. С.103-187.

32 Менщиков В. В. Русская колонизация Зауралья в XVII-XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган, 2004. 200 с.

33 Менщиков В. В. Региональный контекст изучения социальной структуры Зауралья (на примере казачества) // Зыряновские чтения : материалы II межрегиональной научно-практической конференции (Курган, 14-15 декабря 2004 г.). Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. С.49-50.

34 Менщиков В. В. Курган (история) // Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / председатель науч.-ред. Совета Ю. С. Осипов; отв. ред. С. Л. Кравец. Т. 16. Крещение Господне – Ласточковые. Москва : Большая Российская энциклопедия, 2010. С. 386-388.

35 Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Москва : РОССПЭН, 2001. 576 с.

36 Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск : Наука : Сибирское отделение, 1979. 350 с.

37 Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Санкт-Петербург : Дм. Буланин, 1999. Т.1. 548 с.

38 Новиков И. К., Рябинина Е. А., Маслюженко Д. Н. Древности Курганского Притоболья // Альманах «Тобольск и вся Сибирь». Курган. XXIII том. Тобольск : Издательский отдел Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2014. С.249-260.

39 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва : Язъ, 1996. 928 с.

40 Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск : Типография Тобольского Губернского Правления, 1884. С. 74.

41 Патканов С. К. Сочинения. В 2 т. Очерк колонизации Сибири. Тюмень : Мандр и Ко, 1999. Т. 2. 316 с.

42 Плотников Г. С. Описание мужского Далматовского Успенского общежительного монастыря. Екатеринбург : Типография газеты «Урал», 1906. 97 с.

43 Полин С. В. К истории развития методики раскопок больших скифских курганов // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья: Опыт методики российских и украинских полевых исследований. Москва-Киев : Институт археологии РАН, 2011. С. 206-222.

44 Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI-начале XVIII. Москва : Наука, 1972. 394 с.

45 Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI – начало XIX в.) // История Курганской области. Курган : Зауралье, 2002. Т.7. С.7-212.

46 Пузанов В. Д. Беломестные казаки в Сибири в XVII – первой трети XVIII вв. // Русское казачество. Военно-исторический портал. URL: http://www.kazaks.net/belomestnye-kazaki/. (дата обращения 21.04.2015).

47 Розен А. Е. Записки декабриста. Три части в одной книге. Лейпциг, 1870. 416 с.

48 Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Санкт-Петербург : Издание А.Ф. Девриена, 1907. Т. XVI. С. 430.

49 Рябинина Е. А. Последние Кучумовичи на юге Западной Сибири в 1670-1680-х гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-

татарских государств Западной Сибири : материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции / под ред. Д. Н. Маслюженко (отв. ред.), С. Ф. Татаурова. Курган : Изд-во Курганского гос.ун-та, 2017. С.105-108.

50 Сальников К. В. Царёв Курган на реке Тобол // Вопросы археологии Урала. Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1962. Вып.2. С.38-41.

51 Самигулов Г. Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. Чебаркуль ; Челябинск : ЧПО «Книга», 2011. 280 с.

52 Самигулов Г. Х. Ичкинские юрты: новые материалы к истории тюркского населения Зауралья // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всероссийской научной конференции. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С.92-97.

53 Самигулов Г. Х. Сейдяшевы и Кульмаметевы – попытка реконструкции// Присоединение Сибири к России: новые данные : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2014. С. 162-167.

54 Самигулов Г. Х. О фортификационных сооружения Зауралья XVII-первой половины XVIII века // Новые материалы по истории фортификации : статьи и материалы III и IV международной научно-практической конференции «Памятники фортификации: история, реставрация, использование». Архангельск : Новодвинка, 2016. Вып. 2. С.227-238.

55 Слобода Царево Городище на Тоболе (1679-1782 гг.) : монография / под ред. Д. Н. Маслюженко, В. В. Менщикова. Курган : Изд-во Курганского гос.ун-та, 2015. 254 с.

56 Словцов П. Историческое обозрение Сибири. Санкт-Петербург : Типография И.Н. Скороходова, 1838. Т. 1. 589 с.

57 Солунов О старинных городищах, существующих в Курганском уезде // Отечественные записки. Ч.20. Санкт-Петербург, 1824. С.127-130.

58 Статистическое обозрение Сибири, составленное Баккаревичем. СПб., 1810. 361 с.

59 Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. Москва : Вост. лит., 2012. 231 с.

60 Трофимов С. В., Коновалов Ю. В. К вопросу о дате основания города Кургана и его основателе // 50-летие историко-правоведческого факультета Курганского государственного университета : материалы региональной научно-практической конференции. Курган : Изд-во Курганского гос.ун-та, 2002. С.38-39

61 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т.2. Москва : ИДДК Жанр, 2004.

62 Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. Москва : Наука, 1974. 376 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Козельчук Татьяна Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всемирная история и историография», Курганский государственный университет, г. Курган

Маслюженко Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Культурология», декан исторического факультета, Курганский государственный университет, г. Курган

Менщиков Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Отечественная история и документоведение», Курганский государственный университет, г. Курган

Пузанов Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, доцент, Шадринский государственный педагогический университет, г. Шадринск

Тершукова Екатерина Владимировна – заместитель начальника отделения искусства, культурно-досуговой деятельности и кадровой работы – заведующая сектором культурно-досуговой деятельности, Управление культуры Курганской области, г. Курган

ОГЛАВЛЕНИЕ

Роль личности и памятника Тимофею Невежину 3

Глава 1. Общие тенденции русского освоения Юго-Западной Сибири в XVII веке (В.В. Менщиков, Д.Н. Маслюженко).....6

Глава 2. Биография Тимофея Невежина и история основания им слободы (В.В. Менщиков) 23

Глава 3. Местоположение слободы и ее укрепления (Д.Н. Маслюженко).....36

Глава 4. Состав первопоселенцев слободы (Е.В Тершукова., Т.В. Козельчук) 58

Глава 5. Царево городище как пограничная крепость в конце XVII-начале XVIII в. (В.Д. Пузанов, Д.Н. Маслюженко) 77

Список литературы 90

Сведения об авторах 96

Научно-популярное издание

Маслюженко Д.Н., Менщиков В.В.
Козельчук Т.В., Пузанов В.Д., Тершукова Е.В.

ТИМОФЕЙ НЕВЕЖИН И РУССКОЕ ОСВОЕНИЕ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII В.

Статья «Роль личности и памятника Тимофею Невежину»
в редакции О.Ю. Красношеиной

Редактор Н.М. Быкова

Подписано в печать7.08.2017	Формат 60*84 1/16	Бумага 80 г/м^2
Печать цифровая	Усл. печ. л. 6,12	Уч.-изд. л. 6,12
Заказ № 121	Тираж 100	

Библиотечно-издательский центр КГУ.
640020, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.